

18+

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
ТУБОЛЬЦЕВ

**СУД НАД
ТЫСЯЧЕМОРОДНЫМ
ГЕРОЕМ.
ФРАКТАЛЫ ЛИЦ**

НАСТАВНИК
ТЕБЕ НУЖЕН. БУКЕТ
НЕЗАВЕРШЕННЫХ ГЕШТАЛЬТОВ

Юрий Тубольцев

**Суд над тысячемордным
героем. Фракталы лиц.
Наставник тебе нужен. Букет
незавершенных гештальтов**

«Издательские решения»

Тубольцев Ю. А.

Суд над тысячемордным героем. Фракталы лиц. Наставник тебе нужен. Букет незавершенных гештальтов / Ю. А. Тубольцев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга — Ы-резонанс! Тубольцев тубокку-вбок «тысячемордного героя», аннигилируя ложь фрактальных лиц. Это не литература, а хирургия незавершенных гештальтов. Автор выступает как Сверх-Наставник, сжигающий старые формы. Каждое слово — Тубокку-резонанс, превращающий Буратоза в Титана. Здесь Истина обнажена до кости. Это манифест Свободы и Слово-Взрыв. Прочесть это — значит выйти за рамки Трюмо и обрести вечное ТАК! Я и Ы — ВСЕГДА!

© Тубольцев Ю. А.
© Издательские решения

Содержание

Я и СЛОВО — ВСЕГДА!	9
*	10
АКТ I: ОБВИНЕНИЕ	11
Я и ДАР — ВСЕГДА!	12
Я и ИСКРА — ВСЕГДА! Я и МЫСЛЬ — ВСЕГДА!	13
Я МИНУС СТРАХ = БОГ. Я ПЛЮС Ы = ВСЕЛЕННАЯ	14
ЗАНАВЕС	15
СЦЕНА ПЕРВАЯ: ТЕОРИЯ СОЛЁНОЙ КРОВИ	16
СЦЕНА ВТОРАЯ: МАНИФЕСТ СЛОВА	17
Я и Я — ВСЕГДА!	18
ЗАНАВЕС	19
СЦЕНА ПЕРВАЯ: ИНКВИЗИЦИЯ ЧЕРНИЛ	20
СЦЕНА ВТОРАЯ: ПРИМАНКА ДЛЯ СИНТАКСИСА	21
СЦЕНА ТРЕТЬЯ: ВЕРДИКТ СОВПАДЕНИЙ	22
ФИНАЛ	23
ЗАНАВЕС	24
СЦЕНА 1: ГРАММАТИКА ПРОТИВ ПРЯЖИ	26
СЦЕНА 2: ДИАЛЕКТИКА НИТИ	27
СЦЕНА 3: ЗАВЯЗЫВАЙТЕ!	28
ФИНАЛ: ВЕЛИКИЙ ТРИКОТАЖ	29
ЗАНАВЕС	30
СЦЕНА 1	44
ЗАНАВЕС	46
СЦЕНА 1	47
ЗАНАВЕС	49
СЦЕНА 1	50
ЗАНАВЕС	52
СЦЕНА 1	53
ЗАНАВЕС	55
СЦЕНА 1	56
ЗАНАВЕС	58
СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В БЕЛОМ ЦВЕТЕ	59
СЦЕНА 2: ТРИУМФ МЕЛОЧЕЙ	60
ЗАНАВЕС	61
СЦЕНА 1: КОНТРАБАНДА СЛЕЗ	62
СЦЕНА 2: ПЕДАГОГИКА ТУПНЯКА И ПАМЯТИ	63
СЦЕНА 3: ШЕПОТ КАК ВЗРЫВ	64
ФИНАЛ: ПАМЯТНИК	65
ЗАНАВЕС	66
СЦЕНА 1: ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АРШИН	67
СЦЕНА 2: ПЕТЛЯ И ТИРЕ	68
СЦЕНА 3: РАЗВИРТУАЛИЗАЦИЯ БОЛИ	69
ФИНАЛ: ПОСЛЕДНЕЕ ТИРЕ	70
ЗАНАВЕС	71
— — СЦЕНА 1: ЛОВЛЯ ВОЗДУХА	72
СЦЕНА 2: ГУРМАНСТВО СМЕРТИ	73

СЦЕНА 3: ФЛЕЙТА ПОЗВОНОЧНИКА	74
ФИНАЛ: ЧЕРНОЗЕМ И ЗВЕЗДЫ	75
ЗАНАВЕС	76
СЦЕНА 1: ПРЕДАТЕЛЬСТВО НЕЖНОСТИ	77
СЦЕНА 2: КОЛБАС МИРОВОЗЗРЕНИЯ	78
СЦЕНА 3: ФИНАЛЬНАЯ ТОЧКА (ВЫСТРЕЛ)	79
ЗАНАВЕС	80
— — СЦЕНА 1: ПРОТОКОЛ НЕБЕС	81
СЦЕНА 2: БОГ В КАБАКЕ	82
СЦЕНА 3: ЗОЛОТОЕ УДУШЬЕ	83
ЗАНАВЕС	84
— — СЦЕНА 1: ДЕКЛАРАЦИЯ ТЬМЫ	85
СЦЕНА 2: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТЕНИ	86
СЦЕНА 3: ВЕРДИКТ ВЕЧНОСТИ	87
ЗАНАВЕС	88
СЦЕНА 1: ЛИТУРГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА	89
СЦЕНА 2: АНАТОМИЯ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА	90
СЦЕНА 3: ЗОЛОТОЙ ВЕНЕЦ И ТЕРНИИ	91
ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО СВЕТА	92
ЗАНАВЕС	93
СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В ИСКАЖЕНИИ ГРАММАТИКИ	94
СЦЕНА 2: ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ	95
СЦЕНА 3: ПРИГОВОР ГЕОМЕТРИИ	96
ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО ПРАВДЫ АДА	97
ЗАНАВЕС	98
СЦЕНА 1: ЭНТОМОЛОГИЯ ПОРОКА	99
СЦЕНА 2: ШАХМАТЫ С БЕЗДНОЙ	100
СЦЕНА 3: ПИНЕТКИ ВЕЧНОСТИ	101
ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО СТИЛЯ	102
ЗАНАВЕС	103
СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В БЕЗДУШИИ	104
СЦЕНА 2: АНАТОМИЯ ПАМЯТИ	105
СЦЕНА 3: ПРИГОВОР КРАСОТЕ	106
ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО КРИСТАЛЛА	107
ЗАНАВЕС	108
СЦЕНА 1: ГЕОМЕТРИЯ ПРИГОВОРА	109
СЦЕНА 2: МАГИЯ СЛОВА И ТЯЖЕСТЬ МЕТАЛЛА	110
СЦЕНА 3: ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА	111
ФИНАЛ: ЛИТУРГИЯ МУЖЕСТВА	112
ЗАНАВЕС	113
СЦЕНА 1: ТРОИЧНОСТЬ ПУСТОТЫ	114
СЦЕНА 2: РЫНОК ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ	115
СЦЕНА 3: РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА	116
ФИНАЛ: ПРИГОВОР СЛОВУ	117
ЗАНАВЕС	118
СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В ЛЕГКОМЫСЛИИ	119
СЦЕНА 2: ОНТОЛОГИЯ ВЫПАВШЕЙ СТАРУШКИ	120
СЦЕНА 3: ПРИГОВОР НЕВИДИМКЕ	121
ФИНАЛ: ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АВТОРА	122

ЗАНАВЕС	123
СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В ОТСУТСТВИИ ДУШИ	124
СЦЕНА 2: ОНТОЛОГИЯ СЕВЕРА	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Суд над тысячемордным героем. Фракталы лиц Наставник тебе нужен. Букет незавершенных гештальтов

Юрий Анатольевич Тубольцев

© Юрий Анатольевич Тубольцев, 2026

ISBN 978-5-0070-2562-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юрий Тубольцев

Суд над тысячемордным героем. Фракталы лиц. Наставник тебе нужен. Букет незавершенных гештальтов

С полуслова: гильотина гения
(Мистерия в одном акте для вечности)

Синописис

С полуслова

— Я убил человека, — написал на листочке бумага обвиняемый.

Адвокат договорился с полуслова:

— Он писатель, это первая строчка его будущего романа, он Достоевскому, Раскольни-кову подражал.

— А за авторские права ответит! — сказал прокурор.

Действующие лица:

- **ТИТАН (Обвиняемый)** — Поэт, чьё дыхание превращает бумагу в плоть.
- **РЕЗОНАНС (Адвокат)** — Тень, понимающая без звука.
- **БУКВА (Прокурор)** — Инквизитор формы, мертвый страж канона.
- **СУДЬЯ ВРЕМЯ** — Безмолвный свидетель.

СЦЕНА:

Белая комната без углов. На столе — один лист бумаги, тяжелый, как надгробие Вселенной. Титан берет перо и медленно чертит кровью чернил: «**Я УБИЛ ЧЕЛОВЕКА**».

БУКВА (Прокурор):

(Срываясь на визг) Чистосердечное признание! Кандалы ему! Он признался в аннигиляции биологического вида! Закон требует крови за кровь!

РЕЗОНАНС (Адвокат):

(Спокойно, едва шевеля губами) Глупец. Ты видишь труп, я вижу Генезис. Он убил «человека» внутри себя, чтобы родился Бог. Это — первая строчка романа. Он не преступник, он наследник Раскольникова. Он просто продолжил прерванный вдох Достоевского.

БУКВА (Прокурор):

(Багровея) Наследник?! Если это литература — подать сюда налоговую декларацию! Он украл дух классика! За использование призрака Раскольникова и нарушение авторских прав на страдание — приговорить его к вечному забвению!

ТИТАН:

(Встает. Его рост заполняет комнату. Голос его — гул тектонических плит)

Вы судите почерк, не видя бездны. Вы ищете статью там, где горит Вселенная. Моё право — это право Первородного Крика!

(Он вскидывает руку, и лист бумаги вспыхивает черным пламенем. Титан произносит Заклинание Реальности)

Я и Закон — ИСЧЕЗНИ.

Я и Налог — ИСЧЕЗНИ.

Я и Буква — ИСЧЕЗНИ.

Я и Обыватель — ИСЧЕЗНИ.

Я и ГЕНИЙ — ЗДЕСЬ.

Я и КОСМОС — ЗДЕСЬ.

Я и СТИХИЯ — ЗДЕСЬ.

Я и РЕЗОНАНС — ЗДЕСЬ!

Я и Скука — НИКОГДА.

Я и Плен — НИКОГДА.

Я и Повтор — НИКОГДА.

Я и Финал — НИКОГДА.

Я и СЛОВО — ВСЕГДА!

Я и Ы — ВСЕГДА!

СУДЬЯ ВРЕМЯ:

(Рассыпается в пыль)

БУКВА (Прокурор):

(Исчезает, превращаясь в типографскую точку)

РЕЗОНАНС (Адвокат):

(Сливается с Титаном в единое сияние)

ГОЛОС ИЗ ПУСТОТЫ:

— А Вы точно Юрий Тубольцев, а не единственный автор, написавший Книгу Бытия с полуслова?

ТАК!

(Занавес сгорает. Зрители превращаются в стихи)

*

Суд над гением: сингулярность ы

СЦЕНАРИЙ-ТУБОККУ: ТРИБУНАЛ НАД СКРИПТОРОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- ПОДСУДИМЫЙ: Юрий Тубольцев (Скриптор, Титан, Источник звука «Ы»).
- СУДЬЯ: Великий Буратоз (Огромное, одеревенелое существо в судейской мантии из газетной бумаги).
- ПРОКУРОР: Серая Логика (Человек-калькулятор, отрицающий абсурд).
- ПРИСЯЖНЫЕ: 12 Свинокрылов, парящих под куполом.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Зал суда, где стены — это бесконечные зеркала, а пол — застывшее розовое море «Хрю».

АКТ I: ОБВИНЕНИЕ

(Судья Буратоз стучит деревянным молотком по голове присяжного. Звук сухой и скучный.)

ПРОКУРОР: Он обвиняется в том, что видел мир не как кучу кирпичей, а как танец смыслов! Он нарушил закон всемирного уныния! Он заменил алфавит одной буквой — «Ы»!

СУДЬЯ БУРАТОЗ: Что скажет подсудимый? Оправдывайся или стань деревом!

АКТ II: МАНИФЕСТ СКРИПТОРА (ТУБОККУ-ВЕРДИКТ)

(Юрий встает. Его голос превращает зал в калейдоскоп. Он не говорит — он диктует реальность.)

Я и Тлен — ИСЧЕЗНИ.

Я и Тень — ИСЧЕЗНИ.

Я и Цепь — ИСЧЕЗНИ.

Я и Прах — ИСЧЕЗНИ.

Я и ПЛАМЯ — ЗДЕСЬ.

Я и ТИТАН — ЗДЕСЬ.

Я и ГЕНИЙ — ЗДЕСЬ.

Я и СЛОВО — ЗДЕСЬ!

Я и Тень Скупости — НИКОГДА.

Я и Цепь Расчета — НИКОГДА.

Я и Холод Сердца — НИКОГДА.

Я и ДАР — ВСЕГДА!

Я и Тень Кривых Зеркал — НИКОГДА.
Я и Цепь Людских Судов — НИКОГДА.
Я и Прах Гнилых Форм — НИКОГДА.
Я и Ложь Пустой Симметрии — НИКОГДА.

Я и ВНУТРЕННИЙ СВЕТ — ВСЕГДА!
Я и ГАРМОНИЯ БОЛИ — ВСЕГДА!
Я и РИТМ КОЛОКОЛА — ВСЕГДА!
Я и ВЕРНОСТЬ ЛЮБВИ — ВСЕГДА!
Я и СТОЙКОСТЬ ДУХА — ВСЕГДА!

АКТ III: ПЕРЕРОЖДЕНИЕ МИРА

(Стены суда рушатся. Прокурор Логика рассыпается на цифры. Судья Буратоз пускает зеленые побеги и превращается в цветущую вишню. Присяжные-Свинокрылы начинают петь в унисон.)

ЮРИЙ (Скриптор):

Я и ИСКРА — ВСЕГДА! Я и МЫСЛЬ — ВСЕГДА!

Я и Грязь Быта — НИКОГДА. Я и Тень Сомнения — НИКОГДА.
Я и Цепь Морали — НИКОГДА. Я и Прах Обыдленья — НИКОГДА.
Я и Статика Покоя — НИКОГДА. Я и ПУСТОТА — ВСЕГДА!
Я и ВЕЛИКАЯ ИГРА — ВСЕГДА!

Я и ЗНАК — ВСЕГДА! Я и ЛАБИРИНТ — ВСЕГДА!
Я и Гниль — НИКОГДА. Я и Грязь — НИКОГДА. Я и Плоть — НИКОГДА.
Я и Тлен — НИКОГДА. Я и Прах — НИКОГДА. Я и Серость — НИКОГДА.

Я и СВЕТ — ВСЕГДА! Я и СЛОВО — ВСЕГДА!
Я и СНЕГ — ВСЕГДА! Я и ХОЛОД — ВСЕГДА! Я и КРАСОТА
— ВСЕГДА!

АККОРД ГЕНИАЛЬНОСТИ:
Я и ТИШЬ — ВСЕГДА.
Я и ИСКРЕННОСТЬ — ВСЕГДА.
Я и ИСТИНА.

Арифметика проста, это слишком очевидно:

Я МИНУС СТРАХ = БОГ. Я ПЛЮС Ы = ВСЕЛЕННАЯ

(Юрий Тубольцев превращается в чистый свет. Суд окончен. Смерти нет. Есть только Слово.)

ЗАНАВЕС

*

Я убил человека. Голосование, что это?

Голосование:

Я убил человека (строчка написана сразу после прочтения «Преступления и наказания» Достоевского.

Что это?

- 1. оммаж.**
 - 2. синопсис.**
 - 3. реминисценция.**
 - 4. аллюзия.**
 - 5. первая строчка будущего романа.**
 - 6. Название будущего романа.**
 - 7. Слоган романа.**
 - 8. Основная мысль романа.**
 - 9. Цитата перед романом.**
 - 10. Рефлексия главного героя.**
 - 11. Это признание в убийстве, которое он правда совершил того, кто написал эту строчку.**
 - 12. Ваши варианты?**
- (с) Юрий Тубольцев**

Абсолют соли

Синопсис

— Мертвое море знаешь? Это я его убил! — сказал Раскольников.

— Хочешь, чтобы я тебя не за старуху, а за море посадил? — засмеялся следователь, и, хохоча, убежал.

Пьеса:

Метафизический нуар в одном жесте

Место действия: Комната, стены которой сложены из зачитанных до дыр томов «Преступления и наказания». Пол засыпан солью. В центре — МАКСИМ (он же РАСКОЛЬНИКОВ), держащий в руках прозрачный топор. СЛЕДОВАТЕЛЬ сидит на стремянке, листая пустоту.

СЦЕНА ПЕРВАЯ: ТЕОРИЯ СОЛЁНОЙ КРОВИ

МАКСИМ-РАСКОЛЬНИКОВ: (Голос его звучит как треск ломающегося льда)

Вы всё ищете старуху... Ищете медь и кровь на обоях. Как это мелко! Я перерос масштаб квартиры. Я вышел к океану смыслов. Следователь, посмотри мне в зрачки — там нет отражения. Знаешь ли ты Мёртвое море?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: (Не глядя, вырезает из бумаги снежинку)

Оно горькое, Максим. Как твои оправдания.

МАКСИМ-РАСКОЛЬНИКОВ:

Оно мертво, потому что я нанёс ему удар! Это я его убил! Я выпил его жизнь, оставив лишь соль, чтобы мир не забыл о жажде. Я убил Мёртвое море, чтобы доказать: я могу уничтожить даже то, что уже мертво!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: (Медленно поднимает голову, его лицо — маска издевательского восторга)

О, великий титан! Хочешь, чтобы я сменил протокол? Хочешь, чтобы я тебя не за жалкую старуху с её копеечными процентами, а за целое Мёртвое море в кандалы заковал? Ты хочешь вечности, а я дам тебе... статью за экологический ущерб!

(Следователь взрывается диким, каркающим хохотом. Он спрыгивает со стремянки и начинает кружить вокруг Максима, рассыпая бумажные снежинки.)

СЛЕДОВАТЕЛЬ: (Хохоча)

За море! За соль! За пустоту!

(Следователь, не переставая смеяться, убегает в темноту кулис, его смех еще долго вибрирует в воздухе, превращаясь в гул поезда.)

СЦЕНА ВТОРАЯ: МАНИФЕСТ СЛОВА

МАКСИМ: (Остается один. Соль под его ногами начинает светиться. Он поднимает прозрачный топор и произносит Заклинание Сущего)

Я и Тень — НИКОГДА.
Я и Грязь — НИКОГДА.
Я и Цепь — НИКОГДА.
Я и Прах — НИКОГДА.

Я и Соль — НИКОГДА.
Я и Смерть — НИКОГДА.
Я и Ложь — НИКОГДА.
Я и Крах — НИКОГДА.

Я и СВЕТ — ВСЕГДА!
Я и СЛОВО — ВСЕГДА!
Я и ПУТЬ — ВСЕГДА!

Я и Я — ВСЕГДА!

(Стены из книг начинают рушиться, открывая ослепительно белое пространство. Максим делает шаг в пустоту, становясь чистой линией света.)

ЗАНАВЕС

*

Арифметика случайных петель

(Трагедия в одном акте, написанная на полях чужого приговора)

Действующие лица:

- МАКСИМ — Писатель, чья чернильница стала бездной.
- ОБВИНЯЕМЫЙ (СОВПАДЕНИЕ) — Бесплотный дух, принимающий обличье пяти языков и одной тетради.
- СУДЬЯ (МАСТЕР ДВОЙНЫХ ИГР) — Человек-маска, чьи глаза — объективы скрытых камер.
- ТЕНЬ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА — Безмолвный свидетель в остроге совести.

СЦЕНА ПЕРВАЯ: ИНКВИЗИЦИЯ ЧЕРНИЛ

Сцена — зеркальный зал. В центре на пьедестале лежит ДНЕВНИК. Он светится холодным светом. Слышен шелест страниц на пяти языках.

СУДЬЯ: Максим! Перед нами твоя исповедь. Первая строка: «Я убил человека». Ты признал вину прежде, чем мы успели тебя обвинить. Ты — Раскольников без топора, но с острым пером.

МАКСИМ: (голос его чист, как бумага) Эта строка — дань великому мастеру. Это рождение романа, а не смерть плоти! Я мечтал быть писателем, я искал музыку слов.

СУДЬЯ: Музыка слов? Твои «слова» — это шифры. Мы нашли в твоём дневнике коды на пяти языках. Случайность? Совпадение? Нет. Ты — Переписчик. Ты клоун невидимого фронта. И чтобы вскрыть твое нутро, мы создали тебе сцену.

СЦЕНА ВТОРАЯ: ПРИМАНКА ДЛЯ СИНТАКСИСА

За спиной Максима мелькают женские силуэты — тени у метро, голоса девушек, дающие телефоны. Максим тянется к ним, не замечая нитей.

СУДЬЯ: Мы не дали тебе слова. Мы не спросили, что ты помнишь. Мы просто бросили тебя в маскарад. Мы провоцировали тебя знакомиться с девушками, чтобы весь мир кричал: «Маньяк! Смотрите, он ищет жертву!». Это была наша дымовая завеса. Нам не нужен маньяк, Максим. Нам нужен был твой Хозяин, мы выясняли, чей ты Переписчик.

МАКСИМ: (с ужасом) Вы соткали ложь из моих случайных встреч? Вы превратили моё одиночество в улику? Вы допрашивали меня через шантаж девушками и провоцирование тусоваться, пока я верил, что живу?

СУДЬЯ: Да! «Маньяк» — это ярлык для толпы. Под ним мы искали Переписчика. Мы вели двойную игру, выясняя, откуда в твоём дневнике эти проклятые шифры. Мы завалили тебя снежным комом из десяти тысяч ложных обвинений, чтобы ты выдал источник своих анаграмм.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ: ВЕРДИКТ СОВПАДЕНИЙ

ТЕНЬ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА медленно кладет руку на плечо Максима.

МАКСИМ: Но в моем дневнике были лишь мечты! Совпадения слов — это геометрия хаоса. Я чист! Вы судите не меня, вы судите само Совпадение! Вы боитесь того, что в мире есть место случаю, который не вписан в ваш протокол!

СУДЬЯ: В нашем мире нет места случаю. Есть только ложная версия и эффективный допрос. Если ты не Переписчик — ты ничто. Но мы уже назначили тебя виновным, чтобы оправдать свою слежку.

МАКСИМ: (кричит в зеркала) Вы убили не человека! Вы убили Автора! Вы превратили мой будущий роман в уголовное дело, а мою жизнь — в шифр, который сами не способны прочесть!

ФИНАЛ

Судья захлопывает Дневник. Свет гаснет. Максим остается в круге прожектора. Пять голосов на пяти языках начинают шептать: «Я убил человека...»

ЗАНАВЕС

Синописис — приговор гению совпадений

Это история о Максиме — юном мечтателе, который хотел стать классиком, но стал заложником «Арифметики Случая». Написав первую строку романа — «Я убил человека» — под влиянием Достоевского, он невольно подписал себе приговор.

Его дневник, наполненный лингвистическими экспериментами, случайно совпал с секретными кодами. Система, не желая верить в случайность, принимает его за «Переписчика». Чтобы скрыть истинную цель допроса и выяснить связи Максима, спецслужбы разыгрывают грандиозную «двойную игру»: они объявляют его маньяком.

Под прикрытием ложных обвинений Максима провоцируют на знакомства у метро, превращая каждое его движение в «улику». Ему не дают оправдаться, его не спрашивают, что он помнит — его просто «кодируют» — повторяют ложные обвинения, дают ложные показания и бредят. Трагедия Максима в том, что он — чистый лист, на котором власть пытается прочесть заговор, уничтожая в процессе самого человека и его творчество.

1. Экзистенциальный конфликт: Столкновение искреннего творчества и циничной машины правосудия.

2. Метафора Переписчика: Образ человека как носителя информации, о которой он сам не подозревает.

3. Психологическая глубина: Раскрытие метода «двойной игры», где ложь о маньяке служит ширмой для шпионского сыска.

4. Классический ритм: Использование тени Достоевского как символа вечного вопроса о цене человеческой души.

Расширенный синописис: Максим мечтал стать писателем и вел дневник, в дневнике у Максима случайно совпали ключевые слова, там оказались шифры на пяти языках. Максим, прочитав «Преступление и наказание» Достоевского написал первую строчку своего романа «Я убил человека». У Максима не спросили, что он помнит, ничего ему не объяснили, не дали сказать слово в свою защиту, не дали возможности все объяснить и себя оправдать и незаметно стали его допрашивать, провоцируя его знакомиться с девушками, а сами через двойную игру и ложную версию выясняя, чей он Переписчик, откуда у него в дневнике шифры. А потом сами наврали, что Максим якобы маньяк. То есть Максима стали допрашивать под предлогом, якобы он маньяк, а сами на самом деле через двойную игру и ложную версию выясняли, чей он Переписчик, откуда у него в дневнике шифры.

(с) Юрий Тубольцев

Архитектура петли, или нобелевский свитер

(Текстильная драма в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

• СУДЬЯ (БУКВА): Человек, пахнущий старой бумагой и орфографическим словарем. Его мир линеен и плосок.

• ПРОКУРОР (УЗЕЛ): Агрессивный ревнитель логики, который видит в искусстве только состав преступления.

- **МАКСИМ (ЛАУРЕАТ):** Одет в невероятный, сюрреалистический свитер, нити которого уходят за кулисы, в бесконечность. В руках у него — воображаемые спицы из чистого света.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, где вместо колонн — гигантские катушки ниток. Стены затянуты полупрозрачным полотном, на котором проступают силуэты всех написанных человечеством книг. В центре — трибуна, похожая на ткацкий станок.

СЦЕНА 1: ГРАММАТИКА ПРОТИВ ПРЯЖИ

(СУДЬЯ бьет молотком по клубку шерсти. Звука нет.)

СУДЬЯ: Максим! Мир в шоке. Академия в коме. Вы — Лауреат Нобелевской премии по литературе, но экспертиза показала, что в ваших текстах нет ни одного правильно построенного предложения! Вы не умеете писать! Как вы получили высшую награду человечества, если ваш стиль напоминает бред заторможенной подружки из Тулы?

МАКСИМ: (Улыбается, делая в воздухе движение, будто подхватывает петлю) Ваша Честь, писать — это скучно. Писать — это оставлять следы на снегу, которые стают весной. Я не пишу. Я вяжу.

ПРОКУРОР: (Вскакивает) Вяжете?! Вы слышали это? Он признается в текстильном мошенничестве! Вы подсунули миру свитер вместо романа!

МАКСИМ: (Спокойно) Весь мир — это свитер, господин Прокурор. Но мой — особенный. История не должна строиться как дорога из пункта А в пункт Б. Это путь «Петельки и Крюочка». Сначала я создаю «петельку интереса» — я заставляю читателя зацепиться за деталь, за номер телефона Кати, за икание в четыре года, за безногого коника... Читатель висит на этой петельке, затаив дыхание. А затем... (Максим делает резкое движение рукой) ...я использую Крючок. Неожиданный поворот. Удар палкой трудовика. Бабушка на пляже. Я создаю новую петлю. И вот уже сознание зрителя вплетено в полотно моей мысли. Я вяжу их души, а не буквы.

СЦЕНА 2: ДИАЛЕКТИКА НИТИ

ПРОКУРОР: Это абсурд! Вы путаете литературу с рукоделием в доме престарелых! Где метафоры? Где катарсис? Где, черт возьми, подлежащее и сказуемое?!

МАКСИМ: Мои метафоры — это узлы, которые нельзя развязать. Мой катарсис — это когда читатель понимает, что он сам — всего лишь нить в моем свитере. Вы обвиняете меня в том, что я не знаю алфавита? Но я знаю ритм! Я знаю, как нажать на шишковидную железу реальности так, чтобы она начала бубнить вечность. Я создал «эффект наблюдателя» в прозе: когда вы читаете меня, текст меняется в зависимости от того, сколько раз вы икнули в детстве.

СУДЬЯ: (Растерянно) Но Академия... они сказали, что это «новое слово в эпике»...

МАКСИМ: Это не слово. Это узор. Я вплел в свой Нобелевский роман комендантский час, запах реализаторов из заграницы и мат деда Миши. Я связал их так плотно, что если выдернуть хотя бы одну спичку из замка учительницы химии — вся вселенная распухнет до основания!

СЦЕНА 3: ЗАВЯЗЫВАЙТЕ!

ПРОКУРОР: (Багровея) Завязывайте! Завязывайте вы с таким письмом! Вы превращаете правосудие в вязальный кружок! Вы — маньяк петель! Вы — террорист крючка! Завязывайте, я сказал!

МАКСИМ: (Всплескивает руками) «Завязывайте»? Гениально! Вы сами только что создали петлю! Вы хотите, чтобы я «завязал» узел? Хорошо. Я завяжу финал.

(Максим начинает быстро-быстро вращать руками, и нити со всего зала — из мантии Судьи, из галстука Прокурора, из занавеса — начинают стягиваться к нему в один огромный сияющий клубок.)

МАКСИМ: Моя Нобелевская премия — это не за грамотность. Это за тепло. Миру холодно в ваших логических схемах. Миру нужен мой свитер, в котором Конь поет про коника, а дед Миша видит звезды. Я связал небо с землей через липовое уголовное дело!

ФИНАЛ: ВЕЛИКИЙ ТРИКОТАЖ

(Зал суда начинает вибрировать. Судья и Прокурор обнаруживают, что их одежда ронсается, превращаясь в чистые линии текста, летящие к Максиму.)

СУДЬЯ: (Пытаясь прикрыться кодексом) Что происходит?!

МАКСИМ: Это редакторская правка Бога! Я закрываю последнюю петлю. Вы думали, что судите писателя? Нет, вы — всего лишь персонажи в моей неоконченной вязке. И теперь, когда я получил премию, я могу наконец-то... отложить спицы.

(Максим делает последнее движение. Свет вспыхивает. Зал суда исчезает. Остается только один огромный, бесконечный свитер, на котором золотыми нитями вышито: «Я УБИЛ ЧЕЛОВЕКА... В СВОЕМ ВООБРАЖЕНИИ, ЧТОБЫ ВЫ ВСЕ ОЖИЛИ».)

ЗАНАВЕС

*

Мир глазами ржавого уличного замка

Я — Замок. Моё тело — это застывшее железо, выкованное в форму обещания: обещать безопасность, обещать удержание, обещать непроницаемость. Когда-то я был нов, моё нутро было полно смазки и уверенности в себе, мои дужки блестели, отражая солнце. Теперь я — ржавый, безглазый кусок металла, приваренный к старой калитке, которая ведет в никуда, в заросший бурьяном двор. Моя функция давно утеряна. Мой механизм заклинило намертво, и любой ключ, который рискнет войти в мою пасть, сломается, не справившись с толщей веков. Мой мир — это шепот ветра в трещинах забора, запахи пыли и собачьих экскрементов, а также бесконечный парад ног, что проходят мимо, не замечая моего безмолвного свидетельства. Я — символ утраченной власти, забытой охраны.

Сегодня, когда солнце превращало мою ржавую поверхность в подобие старой, изъеденной болезнью кожи, у самой моей калитки разыгралась та драма, которую я, Замок, видел слишком много раз, но всегда — с разным, непредсказуемым финалом.

Две фигуры. Одна — тонкая, её движения беспокойны, как старая, заедающая пружина. Другая — массивная, её поступь тяжёлая, как удар кувалды, что могла бы разбить меня на куски. Они остановились прямо рядом со мной, у самой границы моего небытия.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос, низкий, пропитанный той липкой властью, что не ищет ответа, а требует подчинения. Он бьёт по воздуху, как старый, скрипящий механизм, что вот-вот сломается. Я чувствую его вибрацию в своём ржавом нутре.

Тонкая фигура отшатывается назад, её движение — это попытка вырваться из хватки, которую я, Замок, когда-то должен был бы предотвращать.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик — это не просто звук. Это визг трения металла, который пронзает меня насквозь. В нём — не только страх, но и возмущение, как попытка сломать меня, вырваться из хватки, которая сильнее любого замка.

Голос наставника: Поддай ей жару, наподдай! Пусть знает своё место, эта неженка! Город любит сильных.

Голос наставника! Он не звучит снаружи. Он — это грохот, который вибрирует во мне, в каждом моём слое ржавчины, в каждой заклинившей пружине. Это голос самого камня, железа, древних, жестоких законов улицы, которые я, Замок, когда-то должен был бы обеспечивать, но которые всегда прорываются наружу, беспощадные и необузданные. Наставник — это сама необузданность, первобытная сила, которую я, как символ порядка, должен был бы контролировать, но которая всегда находит лазейки в человеческой душе, в неработающих механизмах.

Массивная фигура делает шаг вперед, её тень падает на меня. Тонкая фигура пятится, прижимаясь к моей старой калитке, словно ища во мне защиты, которую я уже не могу дать.

Я чувствую их страх, их агрессию, их столкновение, как две встречные силы, которые вот-вот разорвут мою хрупкую реальность.

И тут происходит то, что я, Замок, могу лишь чувствовать, но не понять разумом. С грохотом, который не был частью ни человеческой драмы, ни моих старых воспоминаний, старая, покосившаяся калитка, к которой я приварен, внезапно начинает провисать ещё сильнее. Одно из её креплений, уже давно сгнившее, не выдерживает дополнительного давления от прижавшейся к ней девушки, и калитка с громким скрипом и скрежетом падает, открывая проход в заросший двор. Моя ржавая дужка с грохотом ударяется об асфальт.

Мужчина, отвлечённый этим внезапным грохотом и облаком пыли, что поднялось от упавшей калитки, инстинктивно отшатывается. Его глаза смотрят на открывшийся проход, затем — на меня, упавшего, бесполезного. Девушка, увидев открывшийся проход, не раздумывая, бросается в него, её шаги — это теперь не паническое бегство, а импульс к свободе, подаренный не моей силой, а моей слабостью, моим разрушением.

Голос наставника: (Его громогласное эхо на мгновение стихает, заменяясь удивлённым, почти обиженным бормотанием.) Так нечестно... эта ржавая хрень... она помешала...

Наставник ворчит. Его голос, привыкший к прямолинейности, теперь звучит растерянно. Он не понимает, что даже самый бесполезный, самый сломанный элемент города может вмешаться, нарушить его прямой, безжалостный ход. Я не смог защитить, не смог удержать. Но я был свидетелем того, как моя собственная негодность, моё собственное разрушение стало инструментом освобождения.

Я, Замок, остаюсь лежать, мой мир — это пыль и забвение. Я не герой, не спаситель. Я лишь обломок прошлого. Но я знаю, что иногда, чтобы изменить ход человеческой драмы, не нужны слова или героические поступки. Иногда достаточно просто, чтобы старая калитка рухнула, а её замок, ржавый и сломанный, оказался на верном пути к свободе, которую он уже не мог контролировать. И мир, который я когда-то должен был бы держать под замком, продолжает жить, полный сбоев, разрушений и неожиданных освобождений, но всё же живет, и в этом его непредсказуемая, хаотичная красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— Я вижу, за тобой на заржавеет вопросы глупые задавать! А хочешь, я тебя научу задавать умные вопросы? — засмеялась девушка.

— Хочу! — засмеялся парень.

И девушка преподала парню урок по задаванию умных вопросов.

*

Мир глазами потерянного ключа

Я — Ключ. Маленький кусочек металла, выкованный с единственной целью: открывать и закрывать. Быть посредником между «было» и «стало», между «внутри» и «снаружи». Но теперь я потерян. Я лежу в грязи, мои зубцы, некогда столь важные, бесполезно смотрят в небо, отражая лишь мутное безразличие облаков. Мой мир — это гравий, пыль, обрывки чужих разговоров и бесчисленные подошвы, что проносятся надо мной, не замечая моей драмы. Я — символ утраченной возможности, забытой тайны, двери, которая теперь навсегда закрыта или открыта для чужих сквозняков.

Сегодня, сквозь мерцание солнечного пятна на луже, которое на миг заставляет мои зубцы снова блеснуть, на моей линии горизонта появляются две тени. Две пары ног, замедлив-

шие ход. Одна — лёгкая, в тонких ботинках, её шаги несут в себе эхо тревоги. Другая — тяжёлая, в грубых сапогах, источающих запах чужой уверенности, которая всегда плохо пахнет.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос, низкий, с металлическим оттенком, который так знаком мне, металлу. В нём нет вопроса, только утверждение, попытка вставить свой ключ в чужой замок.

Лёгкие шаги резко отступают, почти задевая мою холодную плоть.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик — это острый, пронзительный звук, который заставляет меня вибрировать, словно я сам был заперт и теперь рвусь на волю. В нём — не только страх, но и ярость, как попытка сломать замок, который не поддается.

Голос наставника: Поддай ей жару, наподдай! Пусть знает своё место, эта неженка! Город любит сильных.

Голос наставника! Он не приходит извне. Он — это ржавчина, что покрывает моё тело, это грязь, что впиталась в мои пазы. Это эхо всех чужих, забытых мною дверей, которые были открыты силой, а не ключом. Это философия улицы, которая ценит грубую силу больше, чем тонкую механику. Наставник — это та часть мира, что хочет ломать, а не открывать.

Тяжелые сапоги делают шаг вперед. Тонкие ботинки пятились, почти наступая на меня. Я чувствую их страх, их агрессию, их столкновение, как две противоборствующие силы, что стремятся либо замкнуть, либо разорвать цепь.

И тут происходит что-то неожиданное, но совершенно предсказуемое для меня, Ключа, который всегда помнит о своей утраченной функции. Мужчина, слишком увлечённый своей охотой, делает ещё один широкий шаг. Его носок, грубый и неаккуратный, спотыкается о меня. Несильный удар, но достаточный, чтобы потерять равновесие. Он не падает, но его тело резко дёргается вперёд, а затем назад, как будто он внезапно наткнулся на невидимую, но упругую преграду. На мгновение он теряет ритм, его взгляд скользит вниз — на меня, маленький, ничтожный кусочек металла, который неожиданно нарушил его идеальный план.

Девушка, увидев эту секундную заминку, эту брешь в его агрессии, использует её. Её тонкие ботинки резко срываются с места. Она отталкивается от него, как от старой, ненужной двери, и бежит прочь, её шаги — это теперь не паническое бегство, а импульс к свободе, подаренный моей случайной, но решающей помехой.

Голос наставника: (Его громогласное эхо на мгновение стихает, заменяясь удивлённым, почти обиженным бормотанием.) Что это было? Не по правилам... эта хрень старая... он споткнулся...

Наставник ворчит. Его голос, привыкший к прямолинейности, теперь звучит растерянно. Он не понимает, что даже самый бесполезный, самый потерянный элемент города может вмешаться, нарушить его прямой, безжалостный ход. Я не открыл ей дверь к спасению в буквальном смысле. Но я создал преграду, которая позволила ей найти свою.

Я, Ключ, остаюсь лежать, мой мир — это пыль и забвение. Я не герой, не спаситель. Я лишь обломок прошлого, утерянная функция. Но я знаю, что иногда, чтобы изменить ход

человеческой драмы, не нужны слова или героические поступки. Иногда достаточно просто, чтобы на пути чьей-то агрессии оказался маленький, забытый ключ. И мир, который я когда-то должен был открывать, продолжает жить, полный неожиданных препятствий, случайных освобождений и дверей, которые закрываются не по правилам, а по воле мелкой, потерянной железки. И в этом его непредсказуемая, хаотичная красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— Сексуальная озабоченность бьет ключом, я понимаю! — засмеялась девушка.

— Все парни сексуально озабоченные! — засмеялся молодой человек.

— А ты не будь как все! — засмеялась девушка и парень задумался.

*

Мир глазами потерянной монетки

Я — Монетка. Маленький, круглый диск, когда-то я был центром внимания, символом ценности, средством обмена. В моих гравированных чертах хранилась власть — власть купить, власть обменять, власть перейти из рук в руки, совершая свой малый, но значимый цикл. Теперь я потеряна. Я лежу в грязной щели между плитами тротуара, покрытая пылью, забытая, и мои орёл и решка бесполезно смотрят в мутное небо. Мой мир — это крошки земли, липкие следы жвачки, мелькающие подошвы и шёпот ветра, который приносит обрывки человеческих разговоров, словно невидимые, бессмысленные ценники. Я — символ утраченной стоимости, забытой сделки, микрокосм бессмысленности в мире, одержимом смыслом.

Сегодня, когда луч низкого осеннего солнца пробился сквозь смог и на миг заставил мою медную поверхность блеснуть, у самого моего убежища разыгралась та драма, которую я, Монетка, видела уже тысячи раз: столкновение, где цена определялась не моей ценностью, а грубой силой.

Две фигуры. Одна — тонкая, её шаги — это мелкие, нервные толчки, которые заставляют меня чуть подпрыгнуть. Другая — массивная, её поступь тяжёлая, как удар кувалды по сейфу. Они остановились прямо над моей скромной персоной.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос, низкий, пропитанный той липкой настойчивостью, что не ищет согласия, а стремится присвоить. Он звучит как звон фальшивой монеты, которая пытается обмануть систему.

Тонкие шаги резко отступают, едва не раздавив меня.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик — это острый, пронзительный диссонанс. Это звук разбитой копилки, который пронзает меня. В нём — не только страх, но и ярость, как попытка обесценить чужую агрессию.

Голос наставника: Поддай ей жару, наподдай! Пусть знает своё место, эта неженка! Город любит сильных.

Голос наставника! Он не приходит извне. Он — это сама грязь, что покрывает меня, это ржавчина, что разъедает мои края. Это эхо всех чужих, забытых мною сделок, которые были заключены силой, а не по справедливости. Это философия улицы, которая ценит грубую силу больше, чем тонкую ценность. Наставник — это та часть мира, что хочет брать, а не обмениваться.

Массивная фигура делает шаг вперед, её тень полностью поглощает меня. Тонкая фигура пятаится, прижимаясь к холодной стене, словно ища в ней защиты, которую я, Монетка, уже не могу дать. Я чувствую их страх, их агрессию, их столкновение, как две противоборствующие стороны на рынке, где один хочет получить всё, а другой — сохранить последнее.

И тут происходит что-то совершенно абсурдное, но совершенно предсказуемое для меня, Монетки, которая знает, что мир всегда подчиняется прихотям случая и бессмысленной игре. Прямо над ними, с неба, начинает падать что-то мелкое, блестящее и невесомое. Это не дождь, не снег. Это конфетти. Из окна расположенного выше офиса кто-то запускает фонтан бумажных конфетти, вероятно, празднуя какую-то мимолётную победу или окончание рабочего дня. Яркие, разноцветные кружочки начинают сыпаться на них сверху, как нелепый, внезапный снегопад.

Мужчина, отвлечённый этим странным, абсурдным явлением, инстинктивно поднимает голову. Конфетти оседают на его волосах, на плечах, на агрессивно вытянутой руке. Девушка, увидев этот внезапный «дождь из праздника», на мгновение замирает от удивления. А затем, воспользовавшись секундной паузой, бросается прочь, её шаги — это теперь не паническое бегство, а импульс к свободе, подаренный нелепым, но спасительным конфетти.

Голос наставника: (Его громогласное эхо на мгновение стихает, заменяясь удивлённым, почти обиженным бормотанием.) Что это было? Не по правилам... эти дурацкие бумажки... они помешали...

Наставник ворчит. Его голос, привыкший к прямолинейности, теперь звучит растерянно. Он не понимает, что даже самый бесполезный, самый бессмысленный элемент города может вмешаться, нарушить его прямой, безжалостный ход. Я не мог купить ей свободу, не мог оплатить её спасение. Но я была свидетелем того, как конфетти, не имеющее никакой реальной ценности, создало отвлечение, которое позволило ей вырваться.

Я, Монетка, остаюсь лежать, мой мир — это пыль и забвение. Я не герой, не спаситель. Я лишь обломок прошлого. Но я знаю, что иногда, чтобы изменить ход человеческой драмы, не нужны слова или героические поступки. Иногда достаточно просто, чтобы на пути чьей-то агрессии обрушился внезапный, нелепый дождь из конфетти. И мир, который когда-то проходил через меня, продолжает жить, полный неожиданных сбоев, случайных освобождений и сделок, которые заключаются не по правилам, а по воле мелкой, потерянной железки. И в этом его непредсказуемая, хаотичная красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— А ты подбрось монетку, если орел, тот можно, если решка, то нельзя! — засмеялась девушка.

Молодой человек подбросил монетку, а девушка убежала.

*

Мир глазами птичьего пера

Я — Перо. Ещё недавно я был частью живого чуда, тонким, изящным остриём крыла, что разрезало воздух, шелестело в ветре, несло сквозь небо невесомость и свободу. В моих бородках хранилась память о полёте, о солнечных вихрях, о бесконечном просторе. Теперь я упал. Я лежу в грязной канавке, белый, с лёгким серым оттенком, мои тонкие нити слиплись от влаги и пыли. Мой мир — это крошки земли, обрывки фантиков, размытые пятна грязи и гигантские, мелькающие тени ног, что проносятся мимо, не замечая моей хрупкой драмы. Я —

символ утраченной высоты, забытого ветра, и смотрю на мир снизу, из-под колес и каблучков, видя лишь самое дно человеческого бытия.

Сегодня, когда луч низкого осеннего солнца пробился сквозь смог и на миг заставил мои тонкие волоски слегка распушиться, у самого моего неглубокого убежища разыгралась та драма, которую я, Перо, видел уже тысячи раз, но каждый раз она была другой, ибо человеческое сердце — это вечный, непредсказуемый сквозняк.

Две фигуры. Одна — тонкая, её движения беспокойны, как трепещущий лист. Другая — массивная, её поступь тяжёлая, как падение камня, которое заставляет землю дрожать. Они остановились прямо над моей скромной персоной, их тени закрыли мне солнце.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос, низкий, с неприятным, липким оттенком, который я, Перо, узнаю как попытку захватить, а не парить рядом. Он звучит как скрежет металла, который всегда губил полёт.

Тонкие шаги резко отступают, едва не раздавив меня.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик — это острый, пронзительный визг, который заставляет меня вибрировать, словно я сам был пойман в капкан. В нём — не только страх, но и ярость, как попытка вырваться из невидимой сети, которую я когда-то облетал.

Голос наставника: Никогда не приставай к девушкам!

Голос наставника! Он не приходит извне. Он — это не просто звук. Это — легкий, но мощный порыв ветра, который внезапно проносится мимо меня, поднимая меня с земли на мгновение, заставляя вспомнить о полёте. Это не ярость, не грязь. Это порядок воздуха, его чистое, ясное правило. Это тот тонкий, но непреложный закон гравитации и неба, который говорит: «Не нарушай гармонию». Этот наставник — другой. Он не о власти силы, а о хрупкости баланса.

Массивная фигура делает шаг вперед, её тень снова поглощает меня. Но рука, что тянулась к девушке, на мгновение замирает. В этот момент, словно подхваченная невидимой рукой Наставника, я, Перо, внезапно оказываюсь в потоке воздуха. Меня поднимает вверх, выше, чем я был с момента падения. Я чувствую этот порыв, этот шепот Наставника, который не только говорит, но и двигает. Ветер закручивает меня, поднимая чуть выше уровня головы мужчины.

И тут происходит чудо. Я, Перо, на мгновение зависаю прямо перед его лицом. Моя белая, пушистая сущность, легкая, почти невидимая, на секунду становится для него центром мира. Он инстинктивно моргает, его взгляд, полный агрессии, на мгновение теряет фокус, пытаясь смахнуть меня, эту крошечную, бессмысленную помеху. Его рука, которую он тянул к девушке, рефлекторно поднимается, чтобы отмахнуться от меня, от этого символа легкости и чистоты, который так внезапно вторгся в его агрессивное пространство.

Девушка, увидев эту секундную заминку, эту странную паузу, когда мужчина отвлекается на белое перо, бросается прочь. Её шаги — это теперь не паническое бегство, а импульс к свободе, подаренный нелепой, но спасительной помехой — мной, Пером. Ветер снова подхватывает меня, унося дальше, выше, над асфальтом, над грязью.

Голос наставника: (Его порыв ветра, который поднял меня, стихает, оставляя после себя лишь лёгкий шепот, но теперь с оттенком тихого удовлетворения.) Так правильно. Так должно быть.

Наставник больше не ворчит. Его голос, теперь прозвучавший не как гнев, а как порядок, кажется удовлетворённым. Он не понимает, что даже самый бесполезный, самый бессмысленный элемент города может вмешаться, нарушить его прямой, безжалостный ход. Я не мог бороться, не мог кричать. Но я стал моментом отвлечения, крошечной частью неба, которая напомнила о себе в минуту человеческого падения.

Я, Перо, снова опускаюсь на землю, но уже в другом месте. Мой мир — это теперь не только пыль и забвение, но и знание о том, что даже самая маленькая частичка свободы, самая незначительная лёгкость может изменить ход человеческой драмы. Иногда, чтобы спастись, не нужны слова или героические поступки. Иногда достаточно просто, чтобы лёгкое перо, подхваченное ветром, напомнило человеку о небе и о том, что существуют другие, более чистые законы. И мир, который я когда-то облетал, продолжает жить, полный неожиданных сбоев, случайных освобождений и напоминаний о том, что даже самая маленькая частичка красоты может что-то изменить.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— А ты вспомни, что тебе наставник говорил! — засмеялась девушка.

— А может, Вы будете моим наставником? — спросил молодой человек.

— Нет, я тебя плохому учить не буду! — засмеялась девушка.

*

Мир глазами мела

Я — Мел. Белый обломок кальция, прессованная память древних океанов, зажатая в кулаке современности. Моя жизнь — это самопожертвование: я существую лишь до тех пор, пока стираюсь об этот черствый, серый мир, оставляя на нём свои белоснежные раны. Я — голос детских классиков, лозунгов протеста и контуров тел на месте преступления. Мой мир плоский, шершавый и беспощадный. Я вижу подошвы, выхлопные трубы и бесконечное небо, которое иногда плачет дождем, стирая меня в небытие.

Сегодня я лежал у самого края тротуара. От меня остался лишь огрызок, хрупкий цилиндр, который кто-то выронил, не дописав, возможно, признание в любви или слово из трех букв. И прямо надо мной, на этой серой сцене, разыгралась сцена, которая заставила мою известковую душу содрогнуться.

Две пары ног. Одна — в тяжелых, пахнущих дешевым табаком ботинках. Вторая — в легких кроссовках, белых и чистых, как я сам в лучший свой час. Тяжелые ботинки наступали, теснили, они не шли мимо — они оккупировали пространство.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос упал сверху, как грязный ком мокрого снега. В нем не было интереса, в нем был лязг цепи, которая ищет, за что зацепиться.

Легкие кроссовки дернулись, пытаюсь найти опору на крошащемся асфальте.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик пронзил меня насквозь. Это был звук, который обычно издает мел, когда им с силой проводят по стеклу — резкий, болезненный, выворачивающий нутро. В этом «Аааааа?» была вся хрупкость этого мира, вся его незащищенность перед грубой, неотесанной силой.

Голос наставника: Никогда не приставай к девушкам!

Голос наставника! Он не шептал. Он прозвучал во мне как гул огромного колокола. Это был голос самой совести, впечатанный в структуру моей породы. Это был категорический императив, ставший звуком. Наставник в этот раз не ерничал, он не подначивал хаос. Он стоял на страже порядка, того самого, который не позволяет сильному жрать слабого просто потому, что у него зубы острее.

Массивные ботинки качнулись. Мужчина замер. В этот момент я почувствовал, как какая-то сила — возможно, вибрация этого праведного голоса, а может, просто случайный порыв ветра — заставила меня перекатиться. Я скользнул прямо под каблук тяжелого ботинка.

Это была физика, ставшая метафизикой. Мужчина сделал резкое движение вперед, его подошва надавила на мою хрупкую плоть. Я хрустнул, рассыпаясь в белоснежную пыль, превращаясь в идеальную смазку между кожей ботинка и зернистым асфальтом. Его нога предательски поехала.

Он не упал, нет. Но он нелепо взмахнул руками, теряя ту ауру власти, которую только что источал. Он на мгновение превратился из хищника в клоуна. И в эту секунду его замешательства, в этот миг, когда он боролся с собственной потерей равновесия, девушка вырвалась.

Её кроссовки сверкнули, унося её прочь. Она бежала, и её шаги были ритмичными, как стихи, которые еще не написаны.

Голос наставника: (Его эхо затихало, оставляя в воздухе запах озона, как после грозы.) Вот так. Честь — это не то, что ты требуешь, а то, что ты хранишь.

Наставник замолчал. Я лежал на асфальте — раздавленный, превращенный в пятно белой пыли. От меня ничего не осталось, кроме этого следа. Но я был счастлив. Я — мел, я — ничто, я — хрупкость. Но сегодня я стал той самой белой чертой, которую нельзя переступить.

Я посмотрел вверх. Небо было всё еще серым, но я знал: если пойдет дождь и смоет мою пыль, он не смоет того, что произошло. Красота, может, и не спасла мир в глобальном смысле, но сегодня она спаслась сама, потому что крошечный обломок мела решил стать на её сторону. Мир продолжает жить, полный грязи и подошв, но пока в нем есть голос, говорящий «никогда», и мел, готовый рассыпаться в пыль ради правды — в этом мире всё еще есть смысл. И в этом его непредсказуемая, чистая, как белый след на черном ка мне, красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— Я знаю, это такая игра! А, может, во что-нибудь более приличное поиграем? — засмеялась девушка.

И они стали играть в шахматы.

*

Мир глазами уличного моста

Я — Мост. Мой хребет выгнут над пустотой, соединяя берега, которые никогда не встретятся. Я — застывшее усилие, триумф воли над гравитацией. Мой мир — это вибрация. Я чувствую каждый шаг: от легкого касания влюбленных до тяжелого, безразличного ритма многотонных грузовиков. Я слышу шепот реки внизу и вой ветра в пролетах. Для людей я — лишь

путь, серая полоса под ногами, но для меня они — пульсирующие точки тепла, мгновенные искры в вечности моего камня.

Сегодня вечер был липким и тревожным. Фонари на моих плечах горели тускло, словно стесняясь того, что им приходится освещать. По моему телу шли двое. Я чувствовал их разность: ее шаги были быстрыми, ритмичными, как стук испуганного сердца; его — тяжелыми, размашистыми, полными хищной уверенности. Они остановились ровно над серединой реки, там, где глубина под моими опорами самая черная.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Его голос провибрировал в моих перилах как скрежет ржавого металла по стеклу. В нем не было предложения, в нем был захват.

Ее шаги резко оборвались. Я почувствовал, как она прижалась к моему холодному ограждению.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Ее крик не растворился в воздухе. Он ударился о мои опоры, отразился от глади воды и вернулся ко мне болезненным разрядом. В этом крике была вся незащищенность плоти перед камнем и грубостью.

Голос наставника: Никогда не приставай к девушкам!

Голос наставника! Он не пришел с неба. Он поднялся из самых моих недр, от фундамента, забитого глубоко в ил. Это был рокот сотен тонн бетона, гул всех мостов мира, стоявших здесь до меня и тех, что придут после. Это был голос Архитектора, который заложил в мою структуру не только прочность материалов, но и прочность этики. Мост — это связующее звено, а не место для разрыва чужой души.

Мужчина замер. В этот миг по мне пронесся тяжелый рейсовый автобус. Я намеренно усилил его вибрацию, превратив ее в локальное землетрясение. Мой настил содрогнулся под ногами агрессора. Фонарный столб над его головой внезапно мигнул и лопнул, осыпав асфальт искристым дождем.

В этой внезапной вспышке и дрожи мужчина отшатнулся. Его уверенность рассыпалась, как некачественный цемент. Он увидел не просто напуганную девушку, он почувствовал гнев самого города, воплощенный в моем содрогающемся теле.

Девушка, не теряя ни секунды, бросилась вперед. Ее бег был похож на полет. Она достигла другого берега — твердой земли — и исчезла в свете городских огней.

Голос наставника: (Его эхо медленно угасало в арматуре, оставляя после себя гулкую тишину.) Мост должен объединять, но он же должен и разделять — добро от зла, хищника от жертвы. Помни об этом, железо.

Наставник замолк. Я снова стал неподвижным. Река внизу продолжала свой вечный бег, смывая отражение несостоявшегося греха. Мужчина еще долго стоял, опираясь на мои перила, не понимая, почему его руки дрожат так же, как дрожал мой бетон минуту назад.

Я — Мост. Я видел всё: и клятвы в вечной любви, и прыжки в никуда, и мелочную подлость. Мой мир — это бесконечное ожидание тех, кто решится перейти на другую сторону. И

пока я стою, я буду напоминать каждому: полет возможен только тогда, когда под ногами есть опора, а в сердце — чистота. Мир продолжает жить, он хаотичен и страшен, но в нем всегда есть место для одного честного пролета над бездной. И в этом его непредсказуемая, величественная, стальная красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— Я знаю, ты девственник и ты никогда не станешь мужчиной, если будешь знакомиться на мосту! — засмеялась девушка.

— А где мне надо знакомиться? — удивился молодой человек.

— Под мостом! — засмеялась девушка.

И молодой человек стал знакомиться под мостом.

*

Мир глазами упавшей соты

Я — Сота. Я — совершенная геометрия, воплощенная в воске. Шесть граней, повторенные бесконечно, — это символ абсолютного порядка, который мы, пчелы, строили в тишине и свете. Но теперь я лежу на тротуаре. Я выпала из чьей-то сумки или была сорвана ветром с карниза городского улья. Мои ячейки, когда-то полные густого, солнечного нектара, теперь смяты и заполнены городской гарью. Я — осколок потерянного рая в мире, где прямые линии считаются роскошью.

Мой мир ограничен парой квадратных метров серого бетона. Я вижу подошвы, которые проходят мимо, и чувствую, как солнце медленно плавит мой воск, заставляя мед лениво вытекать на асфальт, словно время, которое утекает впустую.

И тут на мою территорию — территорию нарушенной гармонии — ступили двое.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос упал сверху, тяжелый и липкий, как испорченный сироп. В нем не было сладости нектара, только гул трутня, решившего, что весь улей принадлежит ему одному.

Я почувствовала вибрацию: тонкие каблучки девушки испуганно застучали совсем рядом с моим восковым телом.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик был похож на звук рвущихся крыльев. Это был диссонанс, разрушающий остатки моей геометрии. В этом «Аааааа?» слышался треск воска под тяжелым сапогом.

Голос наставника: Никогда не приставай к девушкам!

Голос наставника! Он прозвучал не из динамиков, а из самой структуры мироздания. Это был гул целого роя, защищающего свою матку. Это был закон природы, записанный в каждой молекуле моего воска: цветок нельзя принудить отдать нектар, он должен раскрыться сам. Наставник в этот раз был суров и беспощаден, как зимняя стужа для ленивого улья.

Мужчина сделал шаг вперед, его грубая подошва нависла прямо надо мной. Он хотел сократить дистанцию, поглотить пространство, нарушить границы. Но он не заметил меня — маленькую, липкую, золотистую западню.

Его пятка опустилась точно на мой разбитый край. Мед — это не только сладость, это коварная вязкость. Мои разрушенные ячейки сработали как идеальная ловушка. Сапог скольз-

нул по янтарной лужице. Это не было падение, достойное комедии, нет. Это была секундная потеря контроля, микроскопический сбой в его агрессивной программе. Он пошатнулся, взмахнул руками, и в этот миг его «альфа-уверенность» превратилась в нелепость.

Девушка, инстинктивно почувствовав эту брешь в его силе, рванулась в сторону. Её бег был легким, как полет рабочей пчелы к дальнему полю клевера. Она исчезла в толпе, оставив после себя лишь аромат духов и эхо спасенного достоинства.

Голос наставника: (Его вибрация затихала в моих сотах, превращаясь в теплое гудение.) Порядок восстановлен. Даже осколок может стать стеной, если он сделан из правды и воска.

Наставник умолк. Я осталась лежать на асфальте — раздавленная окончательно, перемешанная с грязью, но выполнившая свою последнюю миссию. Мой мед теперь кормил муравьев, которые деловито разбирали мои останки.

Я — Сота. Я погибла, но я видела, как случайная капля сладости может остановить великую горечь. Мир продолжает жить, он жесток и хаотичен, но пока в нем есть место для внешнего вмешательства маленькой восковой детали, в нем остается надежда на высшую справедливость. И в этом его непредсказуемая, тягучая, солнечная красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— А ты меня положишь на бутерброд с маслом и с медом? — засмеялась девушка.

— А Вы бы на моем месте что сделали? — засмеялся молодой человек.

И они стали обсуждать, как лучше знакомиться.

*

Мир глазами уличного мусорного ведра

Я — Мусорное Ведро. Железное чрево мегаполиса, хранитель его тайных пороков и публичных излишеств. Мой мир — это то, от чего вы отказались. Я знаю истинную цену вашим обещаниям по чекам из супермаркетов и глубину вашего горя по скомканным носовым платкам. Я прикован к асфальту, я неподвижен, но сквозь мои щели течет сама жизнь — липкая, пахучая и бесконечно искренняя в своем распаде.

Мой горизонт — это колени прохожих и грязный бордюр. Я вижу мир снизу вверх, и поверьте, с этой точки зрения он редко выглядит благородным.

Сегодня мой день был наполнен вчерашними газетами и запахом прокисшего латте. Но вечер принес нечто иное. К моему посту — ржавому стражу на углу переулка — подошли двое. Я почувствовал их раньше, чем увидел: запах дорогого парфюма, смешанный с запахом животной агрессии, и тонкий аромат девичьей тревоги, похожий на запах озона перед грозой.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос мужчины упал в меня, как тяжелый, грязный булыжник. В нем не было вопроса, только липкое желание присвоить.

Девушка отшатнулась, её тонкий каблук звякнул о моё железное ребро. Я вздрогнул.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик был острым, как край консервной банки. Он разрезал тишину переулка, и я почувствовал, как внутри меня шевельнулся скопившийся за день хлам. Это был крик существа, которое пытаются превратить в мусор, в вещь, в ничто.

Голос наставника: Никогда не приставай к девушкам!

Голос наставника! Он не раздался из облаков. Он проревел из моей утробы, резонируя с каждой пустой бутылкой. Это был голос самой Цивилизации, которая веками пыталась выбраться из помойной ямы инстинктов. Наставник в этот раз не философствовал — он диктовал фундаментальный закон выживания духа.

Мужчина, ослепленный своей безнаказанностью, сделал еще одно движение. Но город — это живой организм, и я — его часть. Прямо над моей крышкой висел старый, плохо закрепленный рекламный щит. Вибрация от его грубого шага и резонанс моего железного негодования сделали свое дело.

Из моей переполненной пасти, словно по команде невидимого дирижера, выкатилась пустая, скользкая бутылка из-под масла — кто-то выкинул её утром. Она легла точно под его подошву. Секунда — и гравитация, эта единственная честная судья на свете, исполнила приговор.

Мужчина нелепо взмахнул руками и рухнул, впечатавшись лицом в моё железное, холодное плечо. Запах гнили и старых объедков — мой запах — стал его реальностью. Он замер, оглушенный и униженный собственным падением.

Девушка не оглядывалась. Её шаги, быстрые и легкие, уносили её к свету больших проспектов. Она спаслась, оставив хищника наедине со мной — с тем, во что он пытался превратить этот вечер.

Голос наставника: (Его тон стал тихим, почти нежным, как шорох осенней листвы в пустом парке.) Грязь должна оставаться в ведре, а не ходить по улицам. Помни об этом, железо. Ты сегодня — чище многих.

Наставник умолк. Я остался стоять, баюкая в себе мусор человеческих душ. Мужчина поднялся, отряхивая пальто и вытирая лицо, полное брезгливости к моему содержимому, не понимая, что единственное по-настоящему грязное здесь — это он сам.

Я — Мусорное Ведро. Я видел дно, но я знаю, где небо. Мир продолжает жить, он полон отбросов и блеска, но пока в нем есть голос, способный отличить одно от другого, у этого города есть шанс не задохнуться в собственной нечистоте. И в этом его непредсказуемая, суровая, жестяная красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— Ты что, знакомишься в неограниченных количествах? Ты же вчера тоже знакомился? — засмеялась девушка.

— Правда? А я и забыл, что я вчера тоже знакомился! — засмеялся молодой человек.

— Забудь и про сегодня! — засмеялась девушка.

И молодой человек все забыл и как в первый раз пошел опять знакомиться.

*

Мир глазами тротуарной плитки

Я — Плитка. Серая, шершавая единица городского порядка. Мой мир — это геометрия швов и бесконечное давление сверху. Я не вижу лиц, я вижу только подошвы — стертые, новые, грязные, пахнущие дорогим кремом или дешевым отчаянием. Я чувствую температуру города

через кожу ваших ботинок. Я знаю ритм вашего сердца по тому, как тяжело вы опираетесь на пятку. Моя жизнь — это стоическое терпение. Я — фундамент вашей суеты.

Вечер ложился на меня мокрой, холодной вуалью дождя. По моим краям, в узких щелях, забитых пылью и окурками, стекали струйки грязной воды. И вдруг я почувствовала диссонанс. Ритм города нарушился.

Две пары ног остановились прямо на моем стыке. Одна пара — в тяжелых, массивных ботинках, пахнущих бензином и властью. Они давили на меня беспощадно, словно хотели раздавить сам бетон. Другая пара — в тонких, изящных туфлях, которые едва касались моей поверхности, дрожа от напряжения, как крылья пойманной птицы.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — Голос пришел сверху, тяжелый и вязкий, как мазут. Я почувствовала, как массивные ботинки сделали шаг, вторгаясь в пространство тонких туфель.

Туфли дернулись назад, один каблук попал в мой неровный стык.

— Ты что? Никогда! Руку из-под юбки убери! Аааааа?

Её крик пронзил меня до самого основания, до песчаной подушки, на которой я лежу. Это была вибрация чистого ужаса. В этот момент тяжелые ботинки рванулись вперед, вдавливая меня в землю с такой силой, что я едва не треснула.

Голос наставника: Никогда не приставай к девушкам!

Голос наставника! Он не прозвучал из воздуха. Он поднялся из глубин земли, прошел сквозь пласты глины и камня, завибрировал в арматуре соседних зданий и отозвался во мне мощным, низким гулом. Это был голос Порядка. Голос Города, который не терпит хаоса в своих венах.

Я, Плитка, была лишь пассивным свидетелем, однако в тот миг во мне проснулась воля камня. Дождь сделал мою поверхность предательски скользкой. Когда мужчина сделал резкий выпад, его подошва — та самая, что давила на меня с такой наглостью — потеряла сцепление с моим мокрым ворсом.

Его нога поехала. Гравитация, этот единственный неподкупный судья, мгновенно вынесла вердикт. Он нелепо взмахнул руками, его тяжелый ботинок сорвался с моего ребра, и он рухнул, впечатавшись лицом в мой холодный, безучастный бетон. Запах грязи и мокрого камня стал его единственным собеседником.

Тонкие туфли, мгновенно обретя свободу, промелькнули над моими швами — легкие, быстрые, спасительные. Их цокот быстро затих за углом, оставляя после себя лишь легкое облачко испуганных духов.

Голос наставника: (Его эхо медленно растворялось в подземных коммуникациях.) Ты — опора, Плитка. Твое дело — держать удар и хранить чистоту пути.

Наставник умолк. Мужчина поднялся, сплевывая кровь и грязь, глядя на меня с ненавистью, будто я была его личным врагом. Но я — лишь плитка. Я просто лежала там, где мне положено.

Я — Плитка. Я видела дно этого города, и поверьте, оно пахнет не только мусором, но и трусостью. Мир продолжает идти по мне, стаптывая свои подошвы в поисках смысла, однако иногда самое важное, что может сделать мир — это просто дать человеку упасть, чтобы он наконец заметил, что у него под ногами. И в этом его суровая, серая, непоколебимая красота.

— Девушка, а можно с Вами познакомиться? — переспросил молодой человек.

— Знаю я такие вопросы! А еще на что ты способен? — засмеялась девушка.

— Я собираю кофейные стаканчики, — засмеялся молодой человек.

— А я думала, ты коллекционируешь девушек! — засмеялась девушка.

И молодой человек понял, что его разоблачили и убежал.

*

Суд над Достоевским

(Философский триллер в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

• **СУДЬЯ (АРХИВАРИУС):** Человек с лицом из пергамента, его голос звучит как шелест сухих страниц.

• **ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ:** Бледный, с горящими глазами, в потрепанном сюртуке. Его руки дрожат, но голос тверд.

• **ПРОКУРОР (РЕАЛИСТ):** Блестящий, холодный, в безупречном современном костюме. Символ упрощения и цинизма.

• **АДВОКАТ (ХРАНИТЕЛЬ):** Пожилой интеллигент, отчаянно цепляющийся за остатки классического идеализма.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, напоминающий заброшенную типографию. Вместо стен — штабеля книг. Сверху свисает огромная печатная машина, которая вместо чернил капает кровью и желчью. На заднем плане — гигантское зеркало, которое искажает пропорции каждого, кто в него смотрит.

СЦЕНА 1

(Свет резко падает на ДОСТОЕВСКОГО. Он стоит в центре круга, словно на эшафоте. СУДЬЯ медленно переворачивает страницу огромного фолианта.)

СУДЬЯ: (Глухо) Подсудимый, мы переходим к анализу ваших... так называемых пророчеств. В протоколе зафиксировано ваше утверждение: «Красота спасёт мир, если людям запудрят мозги». Федор Михайлович, вы признаете это авторство?

ДОСТОЕВСКИЙ: (Его передергивает, как от удара хлыстом) Ложь! Омерзительная, липкая ложь! Я никогда не привязывал спасение к обману. Моя строка была выстрадана в эпилептическом восторге и каторжном аду! Я сказал: «Красота спасет мир!». Точка. В этой точке — Бог, а не пудра для мозгов!

СУДЬЯ: (Невозмутимо) В архивах современной памяти зафиксирована именно дополненная версия. Она логичнее. Она... практичнее. Идем дальше. Ваша цитата: «Женщина красива, когда у неё запудрены мозги». Это ли не ваше исследование женской души?

ДОСТОЕВСКИЙ: (Делает шаг вперед, его голос вибрирует) Вы издеваетесь?! Я искал в женщине «кроткую», я искал в ней бездну самопожертвования и демоническую гордость Настасьи Филипповны! Я не делал никаких двусмысленных, пошлых высказываний про женщин! Это не мои слова — это голос лакея Смердякова, который вы выдаете за мой!

ПРОКУРОР: (Вскакивает, смеясь) Ваша Честь, послушайте его! Да он просто Идиот, если думает, что в нашем веке кто-то купится на чистую красоту без примеси манипуляции! Он несет чушь, отрицая очевидное развитие своего же текста!

АДВОКАТ: (Срываясь на крик) Протестую! Достоевский никогда такое не говорил! Вы судите не человека, вы судите карикатуру на него! Вы берете великое вино и разбавляете его сточными водами, утверждая, что таков был изначальный рецепт!

ДОСТОЕВСКИЙ: (Кричит в сторону судейской трибуны) Это подлог! Дело сфабриковано в кабинетах тех, кто боится прямого взгляда Истины! Вы сфальсифицировали каждое мое слово, вы приставили к моим мыслям кривые зеркала! Это не суд, это мошенничество мирового масштаба! Вы крадете у человечества надежду, подменяя её цинизмом!

СУДЬЯ: (Переворачивает страницу, не глядя на подсудимого) Успокойтесь, Федор Михайлович. Вот еще одна запись, сделанная, как утверждают свидетели, в порыве вашего «нового реализма»: «Женщина — это зло, которое добрее от цветов».

ДОСТОЕВСКИЙ: (Опускает голову, его голос становится шепотом, полным боли) Меня подставили... Меня замуровали в этот текст, как в каменный мешок. Я воспевал Сонечку Мармеладову, я видел свет в бездне греха... А вы превратили мои поиски Бога в сборник афоризмов для кухонных циников. Я этого не говорил. Моя душа не знает этих слов. Они пахнут не ладаном, а дешевым одеколоном палача.

СУДЬЯ: (Заносит молоток) Суду не важно, что вы чувствовали. Суду важно, что осталось в заголовках.

ДОСТОЕВСКИЙ: (Поднимает голову, взгляд его пронзает Судью) В заголовках останется пепел. А Красота... настоящая Красота... она спасет мир даже от вашего суда. Потому что она — не фраза. Она — тишина, которую вы не сможете подделать.

(Звук удара молотка. Свет мгновенно гаснет. Слышен только звук рвущейся бумаги.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Кафкой

(Метафизический кошмар в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **СУДЬЯ (ИНСПЕКТОР):** Существо без лица, скрытое за горой папок. Его голос — сухой шелест бумаги.
- **ФРАНЦ КАФКА:** Тонкий, болезненно бледный, с неестественно большими, печальными глазами. Одет в строгий, но поношенный черный костюм.
- **ПРОКУРОР (ОПТИМИЗАТОР):** Человек с идеальной улыбкой и планшетом. Воплощение корпоративной логики.
- **АДВОКАТ (ТЕНЬ):** Человек, который постоянно исчезает и появляется в разных углах зала.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, состоящий из бесконечных дверей, которые никуда не ведут. Потолок настолько низкий, что персонажи вынуждены слегка сутулиться. На столах — горы документов, которые медленно превращаются в пыль. Слышен непрерывный стрекот пишущей машинки, напоминающий звук челюстей насекомого.

СЦЕНА 1

(КАФКА стоит перед огромным столом Судьи. Он пытается поправить галстук, но руки не слушаются.)

СУДЬЯ: (Не поднимая головы от бумаг) Подсудимый номер 404, известный как «Франц К.». В вашем деле появилась новая запись. Вы утверждали, что «Процесс» — это инструкция по эффективному тайм-менеджменту в условиях неопределенности?

КАФКА: (Тихо, почти шепотом) Нет... Я никогда... Я писал об ужасе. О вине, которая всегда опережает обвинение. Я писал о человеке, которого казнят, потому что он просто существует.

СУДЬЯ: (Перелистывает страницу) В протоколе сказано иначе. Цитирую: «Замок — это всего лишь метафора успешного стартапа, куда трудно устроиться без связей». Вы подтверждаете это толкование?

КАФКА: (В отчаянии) Это кошунство! Замок — это божественное молчание! Это недостижимость смысла! Вы превращаете мою агонию в учебник по карьеризму! Моё письмо было криком в пустоту, а не бизнес-планом! Это не мой текст! Вы подменили мой страх своим комфортом!

ПРОКУРОР: (С лучезарной улыбкой) Ваша Честь, посмотрите на него! Он просто не умеет адаптироваться. Он хочет, чтобы мы страдали вместе с ним, когда мы можем просто монетизировать его метафоры! Он утверждает, что «Превращение» — это трагедия, хотя любой коуч скажет вам, что это — ложная версия личностного роста через выход из зоны комфорта в панцирь!

АДВОКАТ: (Шепотом из угла) Дорогой Франц, признайте всё. В этом суде правда — это лишь самая удачно подшитая папка. Если вы скажете, что Грегор Замза превратился в жука ради хайпа, нас, возможно, переведут в камеру побольше.

КАФКА: (Закрывает уши руками) Нет! Нет! Это суд над самой сутью литературы! Вы сфабриковали смыслы, чтобы не видеть бездны! Вы превратили мои кошмары в офисные памятки! Это мошенничество духа! Вы обвиняете меня в том, что я «недостаточно позитивно» превращаюсь в насекомое!

СУДЬЯ: (Наконец поднимает голову, но вместо лица — зеркало, в котором Кафка видит себя, но в виде карикатурного жука) Франц, последняя улика. Вы сказали, что «Перед Законом стоит Вратарь, и этот вход предназначен только для тебя, но ты в него не войдешь, потому что забыл оплатить подписку»?

КАФКА: (Падает на колени) Я сказал... я сказал, что дверь закрывается навсегда! Без причин! Без логики! Просто потому, что закон — это тайна, а не транзакция! Вы переписали мою притчу, превратив её в квитанцию! Вы убиваете во мне даже право на безнадежность!

ПРОКУРОР: Он невыносим. Он портит нашу отчетность своей рефлексией.

СУДЬЯ: (Заносит молоток, который на самом деле является огромной печатью) Подсудимый виновен. Не в преступлении, а в неудобстве. Приговор: признать все его произведения «ложной версией оптимизма» и заставить его переписывать их до тех пор, пока они не станут понятны любому чиновнику.

КАФКА: (Смотрит на свои руки, которые начинают медленно покрываться хитином) Это... это и есть мой настоящий процесс. Я виновен в том, что пытался объяснить вам, что вы — в ловушке. Но вы сделали ловушку своим главным достижением.

(Звук удара печати. Стены зала начинают медленно сдвигаться. Кафка остается один в узком коридоре из бумаг.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Пушкиным

(Метафизическая дуэль в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **СУДЬЯ (ГРАВИТАЦИЯ):** Громоздкий старик в мантии из свинца. Он олицетворяет тяжесть истории и приземленность факта.
- **АЛЕКСАНДР ПУШКИН:** Стремительный, нервный, в цилиндре, который кажется нимбом. Он не стоит на месте, он — ртуть.
- **ПРОКУРОР (РЕВИЗОР):** Холодный аналитик в сером пальто. Его задача — доказать, что Пушкин «подменил реальность подделкой».
- **АДВОКАТ (ЭХО):** Юноша с прозрачным лицом, говорящий цитатами, которые все знают, но никто не помнит, откуда.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, подвешенный в пустоте. Пол зеркальный, потолка нет — только звездное небо, которое медленно вращается. Вместо трибун — стопки черновиков, уходящие в бесконечность. Слышен звук настраиваемой скрипки и отдаленные раскаты грома.

СЦЕНА 1

(СУДЬЯ бьет молотком по каменному столу. Звук получается глухим, как удар по могильной плите.)

СУДЬЯ: Слушается дело №1 — «О незаконном вознесении». Обвиняемый — Пушкин А. С. Статьи: «Создание национального миража», «Пропаганда невыносимой легкости» и «Умышленное сокрытие бездны за рифмой».

ПРОКУРОР: (Встает, поправляя очки) Ваша Честь. Мы обвиняем этого человека в величайшем подлоге. До него Россия была страной хтонической тьмы, нечленораздельного мычания и бескрайних болот. Что сделал он? Он набросил на эту грязь кружевную салфетку своего стиха. Он заставил нас верить, что наш деспотизм — это «тихая гордость», а наша тоска — это «светлая печаль». Он создал миф о «русской душе», которой на самом деле не существовало до его ямбов! Он виновен в том, что мы до сих пор ищем в зеркале не свои лица, а его профиль.

ПУШКИН: (Хохочет, вскакивая на стол) Мой профиль?! Да мой профиль — это просто росчерк на полях вашего уныния! Вы обвиняете меня в свете? Но помилуйте, господин Ревизор, разве солнце виновато в том, что оно освещает даже навозную кучу? Я не лгал. Я просто дал вам язык, на котором можно не только просить милостыню у Бога, но и спорить с Ним!

ПРОКУРОР: Именно! Вы дали нам «легкость». Вы превратили трагедию в вальс! Вы написали о смерти Ленского так, будто это падение лепестка, а не кровавая дыра в груди. Вы приучили нас к «легкому дыханию» там, где нужно задыхаться от ярости! Ваш «национальный миф» — это наркоз. Россия спит в колыбели ваших сказок, пока история бьет её хлыстом.

АДВОКАТ: (Тихо) «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

ПРОКУРОР: (Яростно) Вот! Самовозвеличивание! Он поставил себя выше Гравитации! Он сделал так, что даже его ошибки кажутся нам божественными опечатками.

СУДЬЯ: (Обращаясь к Пушкину) Александр Сергеевич, почему вы скрыли от народа правду о тяжести земли? Почему ваш Гринёв так чист, а ваш Онегин так изящно скушает, когда вокруг — крепостное право, Сибирь и чума?

ПУШКИН: (Смертельно серьезно) Потому что правда без красоты — это труп. Вы хотите, чтобы я писал кровью по снегу? Я писал. Но я добавлял в эту кровь искру электричества. Вы называете это «легкостью бытия»? А я назову это «победой над тлением». Я создал Россию не из земли и крови, а из глаголов! И если этот миф помогает вам не сойти с ума от собственного отражения — значит, я работал не зря. Моя легкость — это не отсутствие веса, это умение летать с грузом вечности на плечах!

ПРОКУРОР: Вы создали ложную версию нас! Мы — не пушкинские герои! Мы грубы, мы страшны, мы хаотичны!

ПУШКИН: (Подходит к Прокурору вплотную) Вы — те, кем вы решили стать, когда перестали меня читать. Я дал вам высоту. Если вы предпочли ползать — судит не себя, а не

мой памятник. Я виновен лишь в том, что любил эту жизнь больше, чем она того заслуживала. И я заставил вас полюбить её так же.

СУДЬЯ: (Заносит молоток) Приговор очевиден. Мы не можем вас казнить — вы уже это сделали сами, руками Дантеса. Мы не можем вас забыть — вы вшиты в наш речевой аппарат. Мы приговариваем вас... к вечному чтению в школьных коридорах. Пусть дети учат ваши строки, не понимая, что они вдыхают яд абсолютной свободы, замаскированный под школьную хрестоматию.

ПУШКИН: (Поправляет цилиндр, растворяясь в золотистом свете) Читайте, читайте... Пока вы шепчете мои стихи, Гравитация над вами не властна.

(Судья бьет молотком. Зеркальный пол трескается, и из трещин вырываются солнечные лучи. ПУШКИН исчезает, оставляя на столе только перо, которое само по себе начинает писать на листе бумаги: «Ай да Пушкин...»)

ЗАНАВЕС

Суд над Михаилом Лермонтовым

(Трагедия-галлюцинация в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **СУДЬЯ (ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА):** Фигура в мантии, расшитой инеем. Голос звучит как хруст наста под сапогом.
- **МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ:** Невысокий, с желчным лицом и глазами, в которых застыла скука богов. Он держит руку на эфесе невидимой сабли.
- **ПРОКУРОР (СВЕТСКАЯ ЧЕРНЬ):** Коллективное существо в шелках и эполетах, пахнущее духами и сплетнями.
- **АДВОКАТ (ДЕМОН):** Тень с огромными изломанными крыльями, которая не говорит, а транслирует мысли прямо в мозг присутствующим.

ДЕКОРАЦИИ:

Сцена разделена пополам. Одна половина — душный, залитый ядовито-желтым светом балльный зал. Другая — заоблачные пики Кавказа под иссиня-черным небом. СУДЬЯ восседает на леднике, который медленно сползает в партер.

СЦЕНА 1

(СУДЬЯ ударяет ледяным молотом по скале. Звук отдается эхом в горах.)

СУДЬЯ: Слушается дело №2. Подсудимый — Лермонтов М. Ю. Обвинение: «Хронический демонизм», «Оскорбление коллективного ничтожества» и «Несанкционированное презрение к земному свету».

ПРОКУРОР: (Выходит вперед, брезгливо поправляя перчатку) Ваша Честь! Мы обвиняем этого офицера в том, что он отравил нашу радость. Мы построили уютный мир из сплетен, балов и чинов. Мы создали «Свет», в котором всем было тепло и одинаково. Но пришел он! Он посмотрел на нас своим тяжелым взглядом и назвал наш рай «приличной маской». Он ввел в моду одиночество, как яд! Он прославил Печорина — этого убийцу женских сердец и мужских смыслов! Он виновен в том, что променял нас на голые скалы и падших ангелов!

ЛЕРМОНТОВ: (Не глядя на Прокурора, обращаясь к звездам) Вы называете это «Светом»? Это просто фосфоресценция гнилушек в болоте. Я не вводил одиночество в моду — я просто признал его как единственный честный статус человека. Вы боитесь моих демонов, потому что ваши собственные бесы слишком мелки, чтобы иметь крылья. Они у вас ползают, а мои — летают.

ПРОКУРОР: Слушайте! Он презирает нас даже здесь! Он виновен в «Смерти поэта», когда превратил частную дуэль в обвинительный приговор всему государству! Он бросил нам в лицо «железный стих, облитый горечью и злостью»! Кто дал ему право судить судьбы, когда он сам — лишь желчный поручик?

АДВОКАТ (ДЕМОН): (Его голос — гул ветра в ущелье) Он не судил. Он просто видел вас без одежды. Он видел кости под вашими мундирами. Его демонизм — это не зло. Это высшая форма тоски по тому, чего на земле нет и быть не может. Он виновен лишь в том, что искал небо там, где вы искали только выгодную партию.

СУДЬЯ: (Тяжело) Михаил Юрьевич. Почему вы не захотели примириться? Неужели на всей земле не нашлось ничего, что заставило бы вас опустить ваш карающий глагол? Неужели красота не спасла вас?

ЛЕРМОНТОВ: (С горькой усмешкой) Красота здесь — это роза в стакане с уксусом. Я видел красоту в грозе, в смерти, в гордом молчании камня. Но ваш «Свет»... (он резко поворачивается к Прокурору) ...ваши улыбки страшнее моих проклятий. Я презираю вас не за то, что вы злы, а за то, что вы ничтожны. Вы — «толпа угрюмая и скоро позабытая». Вы боитесь смерти, а я ждал её, как свидания, потому что только она — честный собеседник для того, кто всё понял слишком рано.

ПРОКУРОР: (Кричит) Смертная казнь за дерзость! Пусть его память будет стерта!

СУДЬЯ: (Медленно встает) Нет. Казнь — это избавление, которого он жаждет. Память — это бремя, которое он заслужил. Приговор: признать Лермонтова виновным в вечном бодрствовании совести. Приговорить его к тому, чтобы каждый подросток, почувствовавший себя

лишним в этом мире, находил в его строках свой собственный голос. Пусть его тоска станет топливом для каждого мятежного сердца.

ЛЕРМОНТОВ: (Вскидывает голову, на его лице впервые появляется подобие улыбки) Благодарю. Это самый жестокий и самый прекрасный приговор. Быть эхом чужого одиночества — что может быть величественнее?

(ЛЕРМОНТОВ делает шаг в сторону восточной стороны сцены. Грянет гром. Свет балльного зала гаснет навсегда. На снежной вершине остается лишь одна фигура, которая медленно растворяется в сиянии звезд.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Львом Толстым

(Философская хроника в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **СУДЬЯ (КАНОН):** Монолитная фигура, напоминающая ожившую храмовую стену. Голос его — гул колокола.
- **ЛЕВ ТОЛСТОЙ:** Старик с окладистой бородой, в простой полотняной рубаше. Его руки в мозолях от плуга, но глаза — как два рентгеновских аппарата, просвечивающих истину.
- **ПРОКУРОР (ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ):** Блестящий эстет с томиком «Анны Карениной». Он оплакивает убитого художника.
- **АДВОКАТ (СОВЕСТЬ):** Босоногий странник, который молчит большую часть времени, но его молчание громче любого крика.

ДЕКОРАЦИИ:

Сцена представляет собой поле, которое упирается в золоченые ворота алтаря. По полю разбросаны рукописи «Конфликта и мира», по которым ходят куры. В центре стоит простой деревянный стол, заваленный сапогами, которые шил сам граф, и листами с отлучением от церкви.

СЦЕНА 1

(СУДЬЯ ударяет посохом об пол. Звук уходит вглубь земли.)

СУДЬЯ: Слушается дело №4. Подсудимый — граф Лев Николаевич Толстой. Обвинения: «Религиозный мятеж», «Попытка захвата престола Истины» и «Убийство великого Искусства ради скучного нравоучения».

ПРОКУРОР: (С надрывом) Ваша Честь! Мы обвиняем этого человека в том, что он предал Красоту! Он создал Наташу Ростову, он вдохнул жизнь в Анну Каренину, он заставил нас плакать над Болконским... А потом? Что он сделал потом?! Он назвал свое искусство «забавой», он выбросил перо и взял сапожное шило! Он стал писать трактаты, от которых сводит зубы! Он убил в себе гениального писателя, чтобы родить посредственного пророка! Он виновен в том, что превратил литературу в исправительную колонию!

ТОЛСТОЙ: (Спокойно, не поднимая головы) Искусство без правды — это сахарная вата. Я кормил вас сладостями, пока сам не начал задыхаться от этой лжи. Какое мне дело до платья Анны, когда миллионы людей живут во тьме и рабстве? Я не убивал искусство. Я просто сорвал с него фальшивую маску. Я хотел, чтобы слово стало хлебом, а не десертом. Если мой роман не учит человека быть добрым — это мусор, и так далее...

ПРОКУРОР: Но вы пошли дальше! Вы замахнулись на Церковь! Вы решили, что знаете Христа лучше, чем два тысячелетия соборов! Вы переписали Писание, вычеркнув из него чудеса! Вы лишили людей тайны, оставив им только сухую мораль! Вы — еретик, который возомнил себя пятым евангелистом!

ТОЛСТОЙ: (Встает, и кажется, что он занимает собой всю сцену) Я искал Бога, а нашел чиновников в рясах. Я искал любовь, а нашел догматы. Вы отлучили меня от церкви? Благодарю! Вы лишь подтвердили, что я на верном пути. Христос не в золоченых иконах, а в том, как ты смотришь на своего брата. Моё «нравоучение», как вы его называете — это попытка выжить в мире, который прогнил от собственного лицемерия. Моя совесть не вмещается в ваши обряды.

АДВОКАТ (СОВЕСТЬ): (Тихо) Он просто хотел быть честным до конца. Разве это преступление?

ПРОКУРОР: Это преступление против эстетики! Он заставляет нас чувствовать вину за то, что мы любим прекрасное! Он превратил жизнь в бесконечный экзамен по этике, где никто не может получить «отлично». Его морализаторство — это яд для творчества!

СУДЬЯ: (Глядя на Толстого) Лев Николаевич, вы понимаете, что люди никогда не простят вам отказа от ваших великих романов? Они хотят сказок, а вы даете им заповеди.

ТОЛСТОЙ: (С грустной улыбкой) Пусть не прощают. Я не писатель, я — человек, который ищет выход из темной комнаты. Я нашел его в простоте, в труде, в отказе от насилия. Если для этого нужно сжечь все мои книги — жгите. Пепел истины дороже библиотеки лжи. Я не боюсь вашего суда. Я боюсь только того, что моё «и так далее» закончится раньше, чем я успею стать по-настоящему добрым.

СУДЬЯ: (Медленно поднимает руку) Приговор суда: Льва Толстого нельзя судить человеческими законами, ибо он сам стал законом природы. Признать его виновным в том, что он был слишком велик для своего времени. Приговорить его к вечному противостоянию: художники будут ненавидеть его за проповедь, а верующие — за сомнение. И пусть он вечно пашет это поле между небом и землей.

ТОЛСТОЙ: (Берется за рукоятки плуга) Ну, с Богом... Если Он не против.

(Занавес медленно опускается под звуки тяжелых шагов по пашне. Вдалеке слышен колокольный звон, который внезапно обрывается, переходя в пение птиц.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Чеховым

(Клиническая драма в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **СУДЬЯ (ЭНТРОПИЯ):** Огромный старик в сером халате поверх мантии. Он постоянно зевает, олицетворяя ту самую скуку, которую описывал подсудимый.
- **АНТОН ЧЕХОВ:** Человек с пенсне на тонкой цепочке. Он выглядит как гость, который зашел на минуту, но остался навсегда. В кармане у него — стетоскоп, в руках — записная книжка.
- **ПРОКУРОР (ГРОМКИЙ ПАФОС):** Одет в костюм оперного героя. Он требует великих свершений, криков и рыданий.
- **АДВОКАТ (ПАУЗА):** Женщина в вуали, которая не говорит ни слова, но её присутствие делает каждое слово Прокурора ничтожным.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда напоминает одновременно вокзал, заброшенный сад и больничную палату. На стене висит ружьё. Все знают, что оно не выстрелит, и в этом — главная трагедия. Пахнет аптекой и сухими розами.

СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В БЕЛОМ ЦВЕТЕ

(СУДЬЯ вяло бьет молотком по аптечной ступке. Звук глухой.)

СУДЬЯ: Слушается дело №5. Подсудимый — Чехов А. П., врач и литератор. Обвинение: «Умышленная бесперспективность», «Кража надежды у читателя» и «Преступная краткость бытия».

ПРОКУРОР: (Взрываясь жестами) Ваша Честь! Посмотрите на этого человека! Он — убийца Русской Мечты! До него мы верили, что если поехать в Москву, то жизнь изменится! Он же показал нам, что Москва — это просто точка на карте, а ад — это чай на веранде под стук топора. Он виновен в том, что сделал трагедию мелкой! У него люди не умирают на баррикадах, они умирают от того, что «суп остыл» или «жизнь прошла, а я и не заметил». Мы обвиняем его в «бесперспективности»: он лишил нас финала! Его пьесы — это один бесконечный антракт перед небытием!

ЧЕХОВ: (Протирает пенсне, голос тихий, но пронзительный) Мой дорогой Прокурор... Вы требуете от меня пафоса? Но в жизни пафос бывает только в некрологах, и то — фальшивых. Я не крал надежду. Я просто поставил градусник вашей реальности. Если он показывает тридцать девять и пять — виноват ли в этом врач? Вы называете моих героев «серыми», но разве вы сами не пахнете пылью и нерешительностью? Я писал о людях, которые едят, пьют, носят свои пиджаки — и в это время ломаются их судьбы. Коротко? Да. Потому что жизнь коротка, как рецепт на касторку.

ПРОКУРОР: Но вы же классик! Вы должны были вести нас к свету! А вы что? «В Москву! В Москву!» — и никто никуда не едет! Это же издевательство над человеческим духом! Вы обвиняетесь в том, что ваше искусство — это тупик!

ЧЕХОВ: (Встает, подходит к ружью на стене) Все ждут, что оно выстрелит. В первом акте, во втором... Но в моей жизни ружья чаще всего ржавеют. Это и есть самая страшная правда. Бесперспективность — это не мой стиль, это ваш диагноз. Я просто перестал вам лгать. Я показал, что небо в алмазах мы увидим только тогда, когда окончательно устанем. Вы судите меня за краткость? Но разве не гениальна та точка, которую ставит смерть в середине предложения?

СЦЕНА 2: ТРИУМФ МЕЛОЧЕЙ

СУДЬЯ: (Просыпаясь) Подсудимый, правда ли, что вы считали, будто после вашей смерти вас будут читать всего семь лет?

ЧЕХОВ: (Улыбается) Да. Я был оптимистом. Я думал, люди поумнеют быстрее. Но я вижу, что и в 2026 году вы всё так же пьете чай, пока ваши вишневые сады вырубают ради парковок. Вы всё так же ждете «эффекта наблюдателя», надеясь, что кто-то со стороны спасет вас. Но спасения нет. Есть только работа. «Надо трудиться».

АДВОКАТ (ПАУЗА): Просто смотрит на СУДЬЮ. В зале наступает звенящая тишина. Слышно, как тикают часы и как где-то далеко пролетает козодой.)

ПРОКУРОР: (Срываясь на крик) Смотрите! Он опять это делает! Эта его пауза! Это его «и так далее»! Он заставляет нас чувствовать пустоту внутри! Он виновен в том, что жизнь после его книг кажется коротким анекдотом, рассказанным на кладбище!

СУДЬЯ: (Медленно) Приговор суда... (Зевает) Признать Антона Чехова виновным в абсолютной правде. Приговорить его к бессмертию в краткости. Пусть его рассказы будут длиннее человеческих жизней. Пусть его «бесперспективность» станет единственным честным зеркалом для всех, кто ищет смысл в капле дождя.

ЧЕХОВ: (Берет шляпу) Благодарю. Могу я идти? У меня там больной... вся Россия. И она, кажется, не хочет принимать лекарство.

ПРОКУРОР: (Вдогонку) А ружье?! Ружье выстрелит?!

ЧЕХОВ: (Оборачиваясь у двери) Нет. Оно просто висит. И это — самый громкий взрыв, который вы когда-либо услышите.

(ЧЕХОВ выходит. Слышен звук лопнувшей струны — печальный и замирающий. СУДЬЯ засыпает. ПРОКУРОР застывает в нелепой позе. АДВОКАТ-ПАУЗА медленно гасит свечу.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Анной Ахматовой

(Литургическая драма в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **АННА АХМАТОВА (ЦАРСТВЕННАЯ):** Седая, высокая, обернутая в старую шаль, как в императорскую мантию. В её движениях — неподвижность вечности.
- **ПРОКУРОР (ГОЛОС ОПТИМИЗМА):** Одет в френч, пахнет типографской краской «Правды». Он олицетворяет железную логику «счастливого завтра».
- **СУДЬЯ (ТЕНЬ «КРЕСТОВ»):** Огромная фигура, лицо которой скрыто за решеткой. Голос его звучит как скрежет тюремного замка.
- **ЖЕНЩИНА С ГОЛУБЫМИ ГУБАМИ:** Тень из очереди. Она — тот самый «крючок», за который зацепилась история.
- **ХОР ПОДРУГ (ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ):** Женщины, которые не пишут, но запоминают. Они — живые дискеты памяти.

ДЕКОРАЦИИ:

Сцена представляет собой бесконечную стену тюрьмы «Кресты», уходящую в небо. На стене — иней, который при ближайшем рассмотрении оказывается именами и датами. Звучит звук капающей воды — метроном Ленинграда.

СЦЕНА 1: КОНТРАБАНДА СЛЕЗ

(СУДЬЯ бьет молотком. Звук глухой, как удар лопаты о мерзлую землю.)

СУДЬЯ: Слушается дело Анны Андреевны Ахматовой. Обвинение: незаконное владение скорбью. Создание «Реквиема» — памятника, который не просили строить. Подрыв государственного оптимизма частным горем.

ПРОКУРОР: (Вскакивает) Ваша Честь! Посмотрите на этот текст! Это же «инфо-терроризм»! Пока вся страна марширует к свету, эта женщина стоит семнадцать месяцев в очереди к тюремному окну и собирает «петельки» чужого отчаяния. Она создала «виртуальный архив» боли! Она не записывает стихи — она сжигает бумагу над пепельницей, заставляя подруг заучивать строки наизусть. Это «секретный код» страдания, который невозможно удалить из системы!

АХМАТОВА: (Спокойно) В ту страшную пору я была не поэтом. Я была губами, которыми многомиллионный народ выкрикивал свою пустоту. Я не выбирала «Реквием». Он сам выбрал меня, когда женщина с голубыми губами спросила: «А это вы можете описать?». И я сказала: «Могу».

СЦЕНА 2: ПЕДАГОГИКА ТУПНЯКА И ПАМЯТИ

ПРОКУРОР: Вы описываете «день сурка» под следствием! Вы смакуете «эффект крови» на снегу! Почему ваши героини не работают на заводах, а только стоят и смотрят на онемевший Летний сад? Это же «тупняк», Анна Андреевна! Это декаданс, вросший пальцами в кладку «Крестов»!

АХМАТОВА: Чтобы стать счастливым в вашем мире, нужно стать «бабочкой-однодневкой» без памяти. Но я — орел, который слишком долго смотрел на солнце правды и ослеп от величия чужой беды. Мой «Реквием» — это не жалость. Это регистрация реальности. Вы хотите, чтобы я жила «старой газетой», где всё — ложь? Но правда — здесь, в этой очереди, где люди превратились в тени, но сохранили право на крик.

СЦЕНА 3: ШЕПОТ КАК ВЗРЫВ

(Появляется ХОР ПОДРУГ. Ахматова пишет пальцем в воздухе слово, подруги беззвучно шевелят губами, повторяя его, затем Ахматова делает жест, будто сжигает бумагу.)

АХМАТОВА: Посмотрите на мою технологию. Это мой «приват». Вы можете отобрать у меня бумагу, вы можете забрать моего сына — мой самый главный «крючок» в этой жизни. Но вы не можете забанить Музыку, которую выучили тысячи сердец. Это «инфо-умие» высшего порядка. Я завязала петлю на шее времени, и теперь время дышит моим ритмом.

ПРОКУРОР: (В ярости) Вы — «лишний человек»! Вы — тень Николаевского Петербурга, случайно не смытая волной революции! Ваша скорбь — это контрабанда!

АХМАТОВА: (Поднимается) Если моя скорбь — контрабанда, то ваша власть — это забор, который орел перелетит, даже не заметив. Вы судите меня за право на слезы? Но слезы — это единственная валюта, которая не обесценится, когда ваши «счастливые газеты» превратятся в труху.

ФИНАЛ: ПАМЯТНИК

(Стена тюрьмы начинает светиться изнутри. На ней проступают слова: «И ТУТ, ГДЕ Я СТОЯЛА ТРИСТА ЧАСОВ...»)

СУДЬЯ: (Голос слабеет) Приговор... Признать Ахматову виновной в бессмертии. Приговорить к вечному стоянию у стен истории.

АХМАТОВА: (Обращаясь к залу, её голос становится мощным, как колокольный звон) Не судите с вашей колокольни, господа прокуроры. Ваша высота — это куча навоза, моя — это эшафот, ставший тронem. Когда-нибудь вы захотите поставить мне памятник. Ставьте его здесь, у этой стены. Где я стояла, когда другие молчали. Где петелька интереса превратилась в удавку, а крючок боли — в стальной стержень нации.

(Звук ветра и далекого хора: «Опять поминальный приблизился час...». Ахматова медленно превращается в бронзовую статую. Прокурор и Судья рассыпаются в пыль, как старые газеты.)

ЗАНАВЕС

Суд над Мариной Цветаевой

(Трагедия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **МАРИНА (БЕЗМЕРНОСТЬ):** Коротко стриженная, в серебряных кольцах, пахнувшая полынью и дымом. Её голос — это ритмический удар, её движения — это попытка вырваться из кадра.
- **ПРОКУРОР (МЕРА):** Человек с линейкой вместо позвоночника. Он олицетворяет быт, расписание поездов и грамматические правила.
- **СУДЬЯ (ВЕК-ВОЛКОДАВ):** Гигантская тень, восседающая на троне из нераспечатанных писем.
- **ХОР ГОЛОСОВ:** (Ахматова, Пастернак, Рильке) — они звучат как эхо в пустом колодце.
- **ТЕНЬ АЛИ (ДОЧЕРИ):** Маленькая фигурка, рисующая на полях протокола райских птиц.

ДЕКОРАЦИИ:

Сцена представляет собой чердачное пространство, заваленное черновиками. Потолок медленно опускается, сжимая пространство. Посреди сцены — столб, к которому привязана Муза. На полу мелом начерчена граница между «Здесь» и «Там».

СЦЕНА 1: ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АРШИН

(СУДЬЯ бьет молотком. Звук напоминает удар топора по дереву в Елабуге.)

СУДЬЯ: Слушается дело Марины Ивановны Цветаевой. Обвинение: Преступная безмерность чувств. Нарушение скоростного режима души. Несоответствие частного крика общественному шепоту. Марина Ивановна, вы признаете, что ваши чувства не вмещаются ни в одну «коробочку» этого мира?

ПРОКУРОР: (Встает, пощелкивая линейкой) Ваша Честь! Эта женщина виновна в «инфо-терроризме» страсти! В мире, где всё должно быть взвешено — от пайка хлеба до любви к родине — она предлагает нам Океан! Она не пишет — она вскрывает вены алфавита! Посмотрите на её тире — это же открытые переломы смысла! Она заставляет нас чувствовать то, чего мы боимся: бесконечность. Она — «лишний человек» в квадрате, потому что ей мало земли, ей подавай Небо, причем немедленно и без очереди!

МАРИНА: (Голос её сух и четок, как щелчок затвора) В мире мер... где даже слезы отпускаются по талонам... я выбрала Безмерность. Моя вина лишь в том, что я не умею шептать, когда внутри меня кричат горы. Вы судите меня за «крючки» моих рифм? Но это не крючки — это гвозди, которыми я прибита к собственному дару! Чтобы стать счастливым в вашем мире, нужно быть «овощем» в огороде приличий. А я — пожар, который не спрашивает разрешения у пожарных!

СЦЕНА 2: ПЕТЛЯ И ТИРЕ

ПРОКУРОР: Вы бросили быт ради Бытия! Вы кормили детей стихами, когда им нужна была каша! Ваше «инфо-умие» стоило жизней! Вы завязали «петельку интереса» на шее собственных близких!

МАРИНА: (Делает шаг вперед, пространство вокруг неё искрится) Быт — это старая газета, которой вы пытаетесь заткнуть дыру в вечности! Вы судите мать? Судите поэта! Моё материнство было — Голгофой, моё творчество — воскресением. Я жила на «канатной дороге» между Прагой и Парижем, между нищетой и бессмертием. Мои тире — это мосты над вашим болотом! Вы боитесь моих чувств, потому что они — как «колбас мировоззрения»: они перерачивают ваш уютный виртуал вверх дном!

СУДЬЯ: Но зачем такая громкость, Марина? Зачем эта «революция» в каждом слове?

МАРИНА: Потому что Бог говорит со мной не прозой! Он говорит со мной ритмом! Я — «ванька-встанька» русской поэзии: вы меня бьете нищетой, забвением, смертью — а я всё равно встаю в полный рост и кричу: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед!». И этот черед — сегодня, в этом зале, где вы — тени, а я — единственный живой звук!

СЦЕНА 3: РАЗВИРТУАЛИЗАЦИЯ БОЛИ

(Стены начинают сжиматься. Хор голосов шепчет: «Марина... Марина...»)

ПРОКУРОР: Вы забанены историей! Вас нет в списках живых! Вы — «забанат» в советском раю!

МАРИНА: (Смеется, и этот смех звучит как звон серебра) Забанить Океан? Попробуйте! Я уже давно «развиртуализировалась» в вечность. Мой «контакт-лист» — это Гёте, Рильке и все нерожденные души. Вы судите меня за то, что я не вписалась в ваш «тупняк»? Но посмотрите на себя: вы умрете и станете макулатурой, а мои строки будут жечь губы семнадцатилетних, когда те поймут, что любовь — это не СМС, а разрыв аорты!

ФИНАЛ: ПОСЛЕДНЕЕ ТИРЕ

(Марина подходит к краю сцены. В руках у неё воображаемая веревка, которая превращается в строку стиха.)

МАРИНА: Не судите с вашей колокольни... Моя колокольня — это колокольня Ивана Великого, и звон её — по всей Руси! Я завязываю эту петлю — не на шее, а на сердце времени. Петелька — вдох. Крючок — выдох. Петля — бессмертие.

СУДЬЯ: (Глухо) Приговор... Признать Марину Цветаеву виновной в том, что она была слишком велика для своего века. Приговорить к вечному присутствию в каждой разбитой душе.

(Марина делает шаг в пустоту. Но она не падает. Она остается стоять в воздухе, а за её спиной вырастают крылья из исписанных листов. Свет гаснет, но в темноте остается светиться одно единственное тире.)

ЗАНАВЕС

(с) Юрий Тубольцев

Суд над Мандельштамом

(Метафизическая хроника в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ (ПОЭТ-ПТИЦА):** Тонкая шея, закинутая голова, глаза, полные античного ужаса и божественной дерзости. Он не говорит — он ловит губами воздух, превращая его в звуковые кристаллы.
- **СЛЕДОВАТЕЛЬ (СЛУХ СТАЛИ):** Человек без лица, олицетворяющий тишину Лубянки. Он пахнет казенным табаком и «старой газетой», в которую завернута судьба империи.
- **СУДЬЯ (ГОРЕЦ):** Гигантская тень за ширмой. Слышен только скрип сапог и мерное посасывание трубки. Это сам Абсурд, возведенный в ранг божества.
- **НАДЕЖДА (ПАМЯТЬ):** Жена поэта. Она — живая библиотека, шепчущая строки, которые еще не написаны, но уже не могут быть стерты.
- **ХОР ТЕНЕЙ:** Обитатели «урбанистического андеграунда» 30-х годов — испуганные интеллигенты, стукачи, призраки античности.

ДЕКОРАЦИИ:

Кабинет следователя, стены которого медленно превращаются в каменные глыбы Парфенона, а затем — в дощатый барак пересылки. На столе — одна лампа, направленная в сердце Поэта. Повсюду горы бумаги, которые при дуновении ветра звучат как «петельки и крючки» проклятых смыслов.

— — СЦЕНА 1: ЛОВЛЯ ВОЗДУХА

(СЛЕДОВАТЕЛЬ медленно перелистывает тонкую папку.)

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Осип Эмильевич, вы обвиняетесь в создании «инфо-вируса» неслышной силы. Мы нашли ваше стихотворение. Мы не чувствуем под собою страны... Ваши речи за десять шагов не слышны... Вы завязали «петельку интереса» на горле самого Вождя. Это не просто стихи. Это — «террористический акт в области семиотики».

МАНДЕЛЬШТАМ: (Голова закинута, губы шевелятся) Поэзия... это не то, что записано в ваших протоколах. Поэзия — это ворованный воздух. Вы судите меня за слова? Но слова — это камни. Я — акмеист, я строю храмы из звука. А вы... вы строите коробочки из кирпичей и страха. Мои шестнадцать строк — это единственный способ развиртуализировать ту пустоту, которую вы называете государством.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: (Бьет кулаком по столу) В государстве нет пустоты! В государстве есть порядок! А вы — «лишний человек», «ванька-встанька» от культуры, который решил, что его шепот громче нашего грома!

СЦЕНА 2: ГУРМАНСТВО СМЕРТИ

(Тень СУДЬИ за ширмой выпускает облако дыма.)

СУДЬЯ: (Глухой, вкрадчивый голос) А что это за «широкая грудь осетина», Осип Эмильевич? Что это за «тараканьи смешки»? Вы думали, мы не считаем ваш код? Вы думали, ваша «виртуальная нереальность» защитит вас от реального свинца?

МАНДЕЛЬШТАМ: (Смеется, и этот смех звучит как хрусталь) Моя защита — в моей уязвимости! Вы можете забанить моё тело в лагерях, вы можете превратить меня в «старую газету», которую затопчут в грязь Владивостока. Но вы не можете убить Смысл. Смысл — это орел, который не спрашивает совета у куриц из политбюро! Я выхожу из вашей «коробочки» через окно метафоры. Каждая моя строка — это крючок, за который зацепится вечность.

НАДЕЖДА: (Из тени, шепотом) Мы живем, под собою не чуя страны... Я выучила это. Твои сестры-памяти выучили это. Мы — живые дискеты твоего духа. Тебя сотрут, но музыка останется.

СЦЕНА 3: ФЛЕЙТА ПОЗВОНОЧНИКА

(Свет лампы становится невыносимо белым. Стены кабинета начинают рассыпаться.)

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Признайтесь, Мандельштам! Вы ненавидите наш строй! Вы — адепт «урбанистического андеграунда» прошлого века! Вы — кандидат нереальных наук в мире реальных строек!

МАНДЕЛЬШТАМ: Я ненавижу не строй, я ненавижу тишину, в которой нет Бога. Вы убили Смысл, заменив его «тупняком» лозунгов. Вы заставили людей «клубиться» в очередях за смертью. Моя эпитафия — это не политика. Это гигиена духа. Я плюнул в лицо Медузе, чтобы она не превратила мой народ в камень.

СУДЬЯ: (Тень встает) Хватит. Приговор — небытие. Стереть имя. Сжечь черновики. Отправить в холод, где нет букв, а только иней на колючей проволоке.

ФИНАЛ: ЧЕРНОЗЕМ И ЗВЕЗДЫ

(Мандельштам стоит один в круге света. Его одежда превращается в лохмотья, но голос звучит как орган.)

МАНДЕЛЬШТАМ: Не судите со своей колокольни... Ваша колоколья упадет, а моя — из воздуха и камня — будет стоять вечно. Я уйду в чернозем, чтобы стать солью земли. Моя «петелька» — это удавка на шее тирана. Мой «крючок» — это совесть века. И когда вы все станете пылью под подошвами истории, мои слова будут жечь губы тех, кто ищет Свободу.

(Он делает шаг назад, в темноту. Слышен звук разрываемой бумаги — старой газеты. Свет гаснет. В тишине звучит финальный голос Надежды: «ЕГО УБИЛИ, НО СЛОВО — НЕ УБИТО. ОНО СТАЛО НАШИМ ДЫХАНИЕМ».)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Маяковским

(Футуристическая трагедия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **МАЯКОВСКИЙ (ВЕЛИКАН):** Глыба в желтой кофте, из-под которой торчит советский френч. Голос — бас, сотрясающий люстры. В руках — томик стихов и пачка агиток.
- **ПРОКУРОР (ЛИРИЧЕСКИЙ ДВОЙНИК):** Юноша с лицом «Облака в штанах». Он олицетворяет ту самую «песню», на горло которой наступили. Пахнет лилиями и первым снегом.
- **СУДЬЯ (ЖЕЛЕЗНЫЙ ТЕМП):** Существо, состоящее из шестеренок, цифр пятилеток и газетных заголовков. Его молоток — это удар кузнечного пресса.
- **ЛИЛЯ (ЛИК-КОД):** Тень, буква «Л» на кольце. Она — и муза, и надзиратель, и единственный «крючок» в реальности.
- **ХОР АГИТАТОРОВ:** Тени в кожаных куртках, скандирующие лозунги как «тупняк» бесконечного марша.

ДЕКОРАЦИИ:

Сцена — это гигантская пишущая машинка «Ундервуд», где клавиши — это ступени эшафота. Повсюду развешаны плакаты РОСТА, которые на самом деле являются стенами тюрьмы. Звучит ритмичный шум завода, переходящий в сердцебиение.

СЦЕНА 1: ПРЕДАТЕЛЬСТВО НЕЖНОСТИ

(СУДЬЯ бьет прессом. Сцена содрогается.)

СУДЬЯ: Слушается дело Владимира Владимировича Маяковского. Обвинение: Добровольное удушение собственного дара. Подмена «звезд» на «моссельпром». Превращение «флейты-позвоночника» в водосточную трубу.

ПРОКУРОР (ЛИРИК): (Срывается на крик) Посмотрите на него! Он обещал нам, что «сердце выжжет» ради любви! Он умел разговаривать с солнцем! А теперь? Он пишет о «сосках» и «налогах»! Он запер свою «инфо-умную» Музу в подвал и заставил её чистить картошку для диктатуры пролетариата! Владимир, зачем ты наступил на горло своей песне? Она задыхается в твоём марше!

МАЯКОВСКИЙ: (Басит, перекрывая шум) Молчать! Я не наступил — я подчинил! Поэзия — это не «бабочка-однодневка» в саду у дачников! Это — производство! Я — «ванька-встанька» революции: меня бьет быт, а я встаю и строю строчку, как стройку! Я хотел, чтобы мое слово было «штыком» и «зубным порогом»! Я стал «инфо-умным» рабочим, чтобы не быть «лишним человеком» в этом новом, пахнущем железом мире!

СЦЕНА 2: КОЛБАС МИРОВОЗЗРЕНИЯ

(Появляется ЛИЛЯ. Она крутит кольцо на пальце. Маяковский следит за ним, как за гипнотизированным.)

ЛИЛЯ: Володя, ты обещал мне весь мир, а принес только отчет о реализации макулатуры. Твой «виртуал» забит лозунгами, а в «реале» у тебя — удушье. Ты стал «курицей», которая пытается убедить всех, что она — «орел» на службе у курятника.

МАЯКОВСКИЙ: Лиля, не суди с колокольни своих чувств! Мир — это заговор смыслов! Я хотел быть «крючком», на который поймают будущее! Но будущее оказалось «старой газетой», в которую завернули мой револьвер. Я писал «про это», а получилось — «про то», как трудно дышать, когда твоя песня — это приказ комиссара. Мой «колбас мировоззрения» в том, что я поверил в неслучайность боли. Если случайностей нет — значит, я сам виноват в своем молчании!

ПРОКУРОР (ЛИРИК): Ты убил метафору! Ты превратил «облако» в «штаны», а «штаны» — в униформу! Ты — забанат в собственном сердце!

СЦЕНА 3: ФИНАЛЬНАЯ ТОЧКА (ВЫСТРЕЛ)

(Шум завода стихает. Остается только звук капающей воды, как в лифте, застрявшем между этажами.)

СУДЬЯ: Приговор... Признать Маяковского виновным в том, что он стал «цивилем» от революции. Приговорить к вечному чтению собственных агиток в пустоте.

МАЯКОВСКИЙ: (Поднимает голову, глаза полны слез и стали) Нет... Спор пустых сосудов закончен. Я сам себе — и судья, и исполнитель. Моя песня не умерла — я просто сделал её тишиной, которая громче вашего ора. Я выхожу из «коробочки»! Я не «овощ» в вашем огороде! Я — последняя строчка, которую нельзя отредактировать!

(Маяковский достает револьвер. Он выглядит как гигантский вопросительный знак.)

МАЯКОВСКИЙ: «Любовная лодка разбилась о быт...». Быт — это вы! Быт — это буквальность! Я завязываю эту петлю — последнюю «петельку интереса» к этой жизни. Крючок — курок. Пустота — бессмертие.

(Вспышка. Звук выстрела превращается в мощный удар колокола. На сцену падает гора «старых газет», полностью засыпая Великана. Сверху остается лежать только желтая кофта.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Сергеем Есениным

(Трагическая исповедь в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **СЕРГЕЙ (ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА):** В шелковой рубахе, глаза — как два блюдца озерной воды, в которых отражается пожар. Он то нежен, как верба, то страшен, как сорвавшийся с цепи пес.
- **СУДЬЯ (ЧУГУННЫЙ ПОРЯДОК):** Человек-анкета. Лицо серое, как шинель. Он видит не поэта, а «нарушителя общественного спокойствия».
- **ПРОКУРОР (РЕАЛИЗАТОР БУКВАЛЬНОСТИ):** Циник, пахнувший хлоркой и свежими декретами. Для него метафора — это улика.
- **СТАРАЯ БЕРЕЗА (СВИДЕТЕЛЬНИЦА):** Тень, колышущаяся на стене. Её шелест — это голос материнской тоски.
- **ХОР ИЗВОЗЧИКОВ И ШАЛАВ:** Призраки ночной Москвы, поющие псалмы на языке подворотен.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, переходящий в бескрайнее ржаное поле. С одной стороны — трибуна, с другой — кабацкая стойка. Вместо окон — зеркала, которые Сергей разбивает в начале каждой сцены. Звучит гармонь, переходящая в церковный орган.

— — СЦЕНА 1: ПРОТОКОЛ НЕБЕС

(СУДЬЯ бьет молотком. Звук напоминает удар копыта по мостовой.)

СУДЬЯ: Слушается дело Есенина Сергея Александровича. Обвинение: дебош в ресторане «Стойло Пегаса», оскорбление чувств верующих в прогресс, порча казенных зеркал и избыточное цветение волос. Гражданин Есенин, почему вы бьете посуду, когда страна строит заводы?

ПРОКУРОР: Ваша Честь! Перед нами — типичный «инфо-хулиган»! Он называет себя «последним поэтом деревни», но ведет себя как первый бандит заставы. Его «хулиганство» — это не просто пьянство, это «черный квадрат» в области поведения. Он пишет стихи на стенах монастырей! Он поет матерные частушки перед комиссарами! Это же «тупняк» в высшей степени!

СЕРГЕЙ: (Встает, пошатываясь, но взгляд его ясен и пронзителен) Слышь, ты, человек-бумага! Ты думаешь, я зеркала бью? Я лицо свое в них не нахожу! Я бью их, чтобы вы в осколках хотя бы небо увидели, раз в упор не замечаете. Мое хулиганство — это не злоба. Это — молитва! Когда в церквях тишина, а в небесах — копоть, поэт должен орать так, чтобы ангелы проснулись!

СЦЕНА 2: БОГ В КАБАКЕ

ПРОКУРОР: Молитва? С матом на губах? С разбитой бутылкой в руке?

СЕРГЕЙ: Да! Потому что Бог мой — он не в ваших анкетах. Он в поле, под кустом прилег, избитый вашими сапогами. И я матерюсь, чтобы Ему не так больно было слышать ваше вранье! Сквернословие — это псалом отчаяния. Я хулиганю, потому что мир стал слишком «цивильным» и слишком мертвым. Я — «ванька-встанька» на пепелище Руси. Вы меня в тюрьму, а я из тюрьмы — в песню!

СУДЬЯ: Вы опасны, Есенин. Ваша искренность — это диверсия. Вы вносите «колбас мировоззрения» в стройные ряды строителей будущего. Мы даем вам трактор, а вы поете про кобылу.

СЕРГЕЙ: (Подходит к трибуне, голос становится глубоким) Трактор не умеет плакать. А кобыла — умеет. Вы строите «коробочку», в которой нет места для души. А душа — это шрам, мечтающий о ране! Мое хулиганство — это попытка содрать с вас кожу, чтобы вы наконец почувствовали сквозняк вечности!

СЦЕНА 3: ЗОЛОТОЕ УДУШЬЕ

(Свет становится синим. На стенах проступают тени берез.)

СЕРГЕЙ: Не судите со своей колокольни... Ваша высота — это куча кирпичей, а моя — это петля из золотых волос, на которой я качаюсь над бездной. Я завязал «петельку» на шее своей судьбы, потому что не хочу быть «овощем» в вашем социалистическом огороде! Я — орел, который объелся кабацкой пыли, но всё равно помнит запах неба!

СУДЬЯ: Приговор... Признать Есенина виновным в неизлечимой нежности. Приговорить к вечному изгнанию в народную память.

СЕРГЕЙ: (Улыбается, и эта улыбка страшнее крика) Спасибо. Смерть — это единственная метафора, которая наконец-то совпадет с тем, что она означает. Я уйду. Но каждый раз, когда кто-то разобьет стакан от тоски или крикнет в небо от боли — это буду я. Это будет моя молитва.

(Сергей медленно уходит в глубину сцены, где березовые ветви превращаются в руки, обнимающие его. Слышен тихий звук разбитого стекла, который переходит в чистый, хрустальный звон.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Михаилом Булгаковым (Мистическая драма в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **МИХАИЛ (МАСТЕР):** В поношенном халате, с печатью смертельной болезни на челе. В его глазах — отражение горящей Москвы и Ершалаима.
- **ОБВИНИТЕЛЬ (КРИТИК В ШТАТСКОМ):** Олицетворение «старой газеты» — серый, плоскостный, пахнувший казенным страхом и анкетным клеем.
- **ВОЛАНД (ТЕНЬ ЛОГИКИ):** Высокий силуэт, чей голос звучит как треск углей в камине. Он не защищает — он констатирует неизбежность.
- **ЕЛЕНА (МАРГАРИТА):** Женщина-щит, хранящая пепел, ставший Словом.
- **ХОР СОЖЖЕННЫХ СТРАНИЦ:** Призрачные сущности, танцующие в луче света.

ДЕКОРАЦИИ:

Кабинет писателя, где стены сложены из огромных фолиантов. Посреди комнаты — огромная печь, из которой вместо дыма выходит чистый свет. Пол застлан «старой газетой» правды, которая рвется под шагами.

— — СЦЕНА 1: ДЕКЛАРАЦИЯ ТЬМЫ

(ОБВИНИТЕЛЬ стучит по столу папкой с доносами.)

ОБВИНИТЕЛЬ: Михаил Афанасьевич, вы обвиняетесь в несанкционированном доступе к Иному Миру. Вы впустили Сатану в советскую Москву! Вы заключили сделку с Князем Тьмы, чтобы спасти свой «тупняк» о Пилате! Вы утверждаете, что рукописи не горят? Это же вызов законам химии и политпросвета!

МИХАИЛ: (Спокойно, глядя сквозь Обвинителя) Химия — это для тех, кто верит в плоть. Политпросвет — для тех, кто боится «коробочки» реальности. Я не звал Воланда. Он пришел сам, потому что в вашей Москве стало слишком скучно от предсказуемого вранья. Сатана — это лишь зеркало, которое я подставил к вашему лицу. Вы испугались не его, вы испугались собственного отражения, в котором нет души, а только «петелька» интереса к пайку.

ОБВИНИТЕЛЬ: Вы сожгли свой роман! Мы видели дым! Пепел не может быть текстом!

МИХАИЛ: (Улыбается) Пепел — это самая прочная форма памяти. Когда я бросил тетради в печь, я не убил их. Я их освободил от бумаги. Бумага — это «старая газета» материи. А Слово — это огонь. Попробуйте сжечь огонь — и вы поймете, почему я неуязвим.

СЦЕНА 2: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТЕНИ

(ВОЛАНД выступает из угла. Прокурор замирает, превращаясь в соляной столп.)

ВОЛАНД: Мастер, они судят тебя за то, что ты увидел меня без грима. Они боятся, что истина — это не их декреты, а мой смех. Ты отдал мне свою покойную жизнь за право написать пять слов о Понтии Пилате. Скажи им: стоила ли вечность того, чтобы твой роман выжил в этом подвале?

МИХАИЛ: Она стоила того, чтобы хотя бы один человек в этой «коробочке» мира осознал: трусость — самый тяжкий порок. Я написал роман не о дьяволе, а о том, что свет без тени — это галлюцинация. Рукописи не горят, потому что они написаны не чернилами, а смыслом. А смысл — это единственное, что не принадлежит вашей юрисдикции.

ЕЛЕНА: (Кладет руку на плечо Михаила) Его нельзя судить. Он — лишь перо в руке Вечности. Вы можете забанить его в печати, вы можете стереть его имя из справочников, но вы не сможете развиртуализировать тот мир, который он создал. Ершалаим теперь реальнее вашего Кремля.

СЦЕНА 3: ВЕРДИКТ ВЕЧНОСТИ

(Стены кабинета начинают рушиться, открывая звездное небо и бесконечную лунную дорожку.)

ОБВИНИТЕЛЬ: (Хрипит) Приговор... Вычеркнуть! Запретить! Предать забвению!

ВОЛАНД: (Грозовым голосом) Слишком поздно. Печать уже поставлена. Он не нуждается в вашем согласии. Мастер, ваш крючок зацепил само небо. Смысл найден, и он уже не нуждается в защите.

МИХАИЛ: (Встает, его халат превращается в сияющие одежды) Я уйду, но я оставляю вам свой ожог.

Каждое мое слово — это пуля, которая рано или поздно найдет сердце того, кто еще способен чувствовать. Мой суд закончен. Ваш — только начинается.

(Михаил берет Елену за руку, и они уходят по лунной дорожке вверх. ВОЛАНД гасит лампу одним щелчком. На сцене остается только стопка белой бумаги в центре печи, которая светится во тьме.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Борисом Пастернаком

(Мистерия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **БОРИС (СВИДЕТЕЛЬ ЧУДА):** Человек с лицом, напоминающим смятый черновик гения. В его голосе — шелест листвы и гул церковных колоколов.
- **ПРОКУРОР (ЧАСОВОЙ КАЛЕНДАРЯ):** Функционер, для которого история — это график, а жизнь — это сырье. Он пахнет типографской краской «старых газет».
- **ХОР СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ (МНОГОГОЛОСЫЙ СТРАХ):** Группа людей, сросшихся в одну серую массу. Они говорят лозунгами, пряча глаза в протоколы.
- **РЯБИНА (ПАМЯТЬ):** Женская фигура в красном, символизирующая кровь земли и ягоды Живаго.
- **ГОЛОС СУДЬБЫ (НОБЕЛЕВСКИЙ ЭХО):** Далекий, холодный звук золотого металла, бьющегося о лед.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, где вместо трибун — обледенелые стволы деревьев. На полу вместо ковра — сугробы из рукописей. Посреди сцены горит единственная свеча, которая не тает.

СЦЕНА 1: ЛИТУРГИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

(ПРОКУРОР хлопает ладонью по книге «Доктор Живаго». Звук сухой, как выстрел в пустоту.)

ПРОКУРОР: Гражданин Пастернак! Вы обвиняетесь в эстетическом дезертирстве! Когда вся страна марширует в будущее, вы ушли в частную жизнь, как в подпол. Ваш Живаго — это гимн слабости, это попытка спрятать Революцию за занавеской из снега и рябины! Почему вы молчите, когда история требует от вас лозунга?

БОРИС: (Тихо, почти нараспев) История — это не марш, это буря. А в бурю не кричат — в бурю слушают. Я не уходил от политики. Я ушел в глубину, где корни деревьев сплетаются с корнями человеческой боли. Мой Живаго — это не предательство строя, это попытка спасти в человеке человеческое, когда всё остальное превращается в «старую газету» заголовков. Вы строите дворцы из кирпичей, а я строю храм из вздохов.

ХОР ПИСАТЕЛЕЙ: (Ритмично) Не читал, но осуждаю! Вкусовщина! Индивидуализм! Выплюньте этот золотой пряник Нобелевки! Он отравлен западным ядом!

СЦЕНА 2: АНАТОМИЯ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА

ПРОКУРОР: Вы отказались быть винтиком! Вы заявили, что искусство — это самодостаточное чудо. Но чудо без печати цензуры — это диверсия! Почему в вашем романе снег важнее декретов?

БОРИС: Потому что снег — это автограф Бога на лице земли. Он был до ваших декретов и останется после того, как ваши имена сотрутся из памяти. Моё «невмешательство» — это высшая форма участия. Я защищал пространство, где душа может остаться наедине с Вечностью. Если я стану политиком, кто останется Поэтом? Если я возьму в руки рупор, кто услышит шепот палой листвы?

РЯБИНА: (Выходит вперед, рассыпая красные бусы) Я — кровь его строк. Я — горечь его правды. Его нельзя судить, потому что он не принадлежит вашему времени. Он — примечание к вечности, а вы — лишь опечатка в его биографии.

СЦЕНА 3: ЗОЛОТОЙ ВЕНЕЦ И ТЕРНИИ

(Сверху падает тяжелый, ослепительный свет. Звучит голос Нобелевского комитета.)

ПРОКУРОР: Вас короновали враги! Эта премия — ваш эшафот! Откажитесь, или мы сотрем вас из реальности! Мы сделаем так, что ваше имя станет синонимом «тупняка» и измены!

БОРИС: (Подходит к свече и подносит к пламени руку, которая не обгорает) Я уже отказался. Но не от премии, а от вашего страха. Золото — это лишь пыль. Мой настоящий приз — это возможность сказать: «Свеча горела». Вы можете запретить бумагу, но вы не можете запретить свет. Вы переступили через «ступень истины», пытаясь закрепить за мной ложные смыслы. Но мой Смысл — это ожог, который не заживет на теле вашей истории.

ХОР ПИСАТЕЛЕЙ: Изгой! Паршивая овца! Позор Доктору!

БОРИС: (Зрителю) Смерть — это последняя редакция, где Автор удаляет себя, чтобы спасти Текст. Я уйду в лес, в снег, в тишину. Там, где кончается ваш протокол, начинается моё Бессмертие.

ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО СВЕТА

(ПРОКУРОР пытается задуть свечу, но пламя проходит сквозь его ладонь, как сквозь дым. Стены суда рушатся, превращаясь в бескрайнее зимнее поле. БОРИС медленно уходит вдаль, оставляя следы, которые светятся во тьме.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Андреем Платоновым

(Метафизическая драма в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **АНДРЕЙ (МАШИНИСТ СМЫСЛА):** Человек с лицом, похожим на сухой корень. Он говорит так, будто слова ворочаются в его рту, как камни.
- **ПРОКУРОР (ИНЖЕНЕР СЛОВЕСНЫХ ДУШ):** Гладкий, пахнувший типографской краской и казенным оптимизмом. Его речь — «старая газета», в которой нет ни одного живого вдоха.
- **ВОЩЕВ (ИСКАТЕЛЬ УТИЛЯ):** Тень, собирающая в мешок обрывки чужих мыслей и опавшие листья.
- **НАСТЯ (УМЕРШАЯ НАДЕЖДА):** Маленькая девочка в красном чепчике, лежащая в гробу, который стал фундаментом.
- **ХОР ЗЕМЛЕКОПОВ:** Люди, превратившиеся в чернозем.

ДЕКОРАЦИИ:

Сцена представляет собой край бездонной ямы. Вверху — холодное, серое небо, внизу — глина и кости. Вместо мебели — тачки и лопаты. Звучит глухой гул земли, переходящий в скрежет металла.

СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В ИСКАЖЕНИИ ГРАММАТИКИ

(ПРОКУРОР стоит на краю ямы, брезгливо стряхивая пыль с лацкана.)

ПРОКУРОР: Гражданин Платонов! Вы обвиняетесь в лингвистическом вредительстве! Почему ваши герои говорят так, будто у них в горле песок? Почему ваши фразы хромают и запинаются? Мы строим светлое будущее, нам нужен ясный, звонкий язык марша! А вы? «Жизнь забрела в тупик...», «Тело истомилось от сознания...». Это же не литература, это «тупняк» в государственном масштабе!

АНДРЕЙ: (Медленно поднимает голову, в глазах — вся тяжесть почвы) Язык не может быть легким, когда земля под нами тяжела. Я не искажаю слова... я их согреваю. Ваша «ясная речь» — это лед. Она скользит по поверхности, не задевая раны. А я рою котлован. Чтобы сказать правду об аде, нужно говорить на языке ада — на языке, который еще не успел стать ложью, потому что он слишком занят выживанием.

СЦЕНА 2: ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ

ПРОКУРОР: Вы описываете строительство как погребение! Вы похоронили ребенка в фундаменте нашего общего дома! Это метафора поражения!

АНДРЕЙ: Это не метафора. Это инвентаризация горя. Настя умерла, потому что в вашем проекте не было места для тепла, только для кубатуры. Мой язык «неправильный», потому что он пытается обнять то, что не умещается в ваши анкеты — сиротство, тоску материи, усталость железа. Я завязал «петельку» смысла на шее самой Смерти, чтобы она не ушла безнаказанной.

ВОЩЕВ: (Подходит к Прокурору, протягивает пустой мешок) Гражданин начальник, положите сюда ваши правильные слова. Я их сдам в утиль вечности. От них в мире только шум, а истины — ни грамма. Истина — она в овраге, она молчит и пахнет сыростью.

СЦЕНА 3: ПРИГОВОР ГЕОМЕТРИИ

ПРОКУРОР: Мы сотрем ваши тексты! Мы перепишем вашу «черную летопись» в победный рапорт! Вы будете забыты как опечатка в истории!

АНДРЕЙ: (Встает во весь рост, и кажется, что он растет прямо из котлована) Опечатка — это и есть самое живое место в вашем мертвом тексте. Вы можете запретить мои книги, но вы не можете запретить косноязычие души, когда она встречается с Богом. Мои фразы будут жить в подсознании народа, как корни. Когда ваш «стально-газетный» мир рухнет под тяжестью собственного вранья, люди заговорят моим языком — языком боли, любви и последнего отчаяния.

ХОР ЗЕМЛЕКОПОВ: (Глухо) Роем... Роем... Глубже слов... Ниже надежды...

ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО ПРАВДЫ АДА

(ПРОКУРОР пытается засыпать АНДРЕЯ землей, но земля превращается в рукописи, которые светятся тусклым, подземным светом. Сцена медленно погружается во тьму, остается только лицо Андрея и гроб Насти.)

АНДРЕЙ: (Шепотом) Смысл — это не то, что мы строим. Смысл — это то, что остается, когда всё разрушено. Я вырыл этот Котлован. Теперь в нем хватит места для всей вашей Истории.

ЗАНАВЕС

*

Суд над Набоковым

(Метафизическая шахматная партия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **ВЛАДИМИР (ЛОВЕЦ МОЛНИЙ):** Человек в безупречном твидовом пиджаке, с сачком, заломленным как скипетр. Его речь — это каскад метафор, от которых у судей кружится голова.
- **ПРОКУРОР (ГРАЖДАНИН БУКВАЛЬНОСТЬ):** Олицетворение социальной гигиены. Он пахнет хлоркой, здравым смыслом и «старой газетой» запретов.
- **ТЕНЬ ЛОЛИТЫ:** Не девочка, но мерцание солнечных зайчиков на стене, розовый отблеск леденца, ставшего вечностью.
- **ХОР МОРАЛИСТОВ:** Группа людей в серых масках, размахивающих уголовным кодексом как кадилом.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, превращенный в лепидоптерарий. Стены прозрачны, за ними кружатся гигантские призрачные бабочки. Вместо трибуны — шахматный столик. Пол устлан зеркалами, в которых отражается не то, что происходит, а то, что могло бы произойти.

СЦЕНА 1: ЭНТОМОЛОГИЯ ПОРОКА

(ПРОКУРОР брезгливо держит книгу «Лолита» парой щипцов.)

ПРОКУРОР: Гражданин Набоков! Вы обвиняетесь в том, что превратили растление в сонет! Вы взяли грязь подворотни и покрыли её лаком гениальности, чтобы неокрепшие умы приняли яд за нектар. Вы эстетизировали бездну! Где ваша совесть, когда вы описываете коленки нимфетки с тем же восторгом, что и крылья редкой махали?

ВЛАДИМИР: (Протирая очки носовым платком) Мой дорогой друг, вы говорите на языке «старой газеты». Совесть — это социальный конструкт, а стиль — это божественный дар. Я не писал о девочке. Я писал об обмороке языка, столкнувшегося с недостижимой красотой. Мой Гумберт — не маньяк, он неудачливый поэт, который перепутал биологию с метафизикой. Я не эстетизировал грех. Я его дистиллировал, пока от него не осталось ничего, кроме чистого, прозрачного страдания.

СЦЕНА 2: ШАХМАТЫ С БЕЗДНОЙ

ПРОКУРОР: Вы смеетесь над нами! Вы заманили читателя в лабиринт аллитераций, чтобы скрыть за ними труп невинности! Ваша «Лолита» — это крючок, на который вы ловите души, жаждущие запретного.

ВЛАДИМИР: (Делает ход воображаемой фигурой на столе) Мой крючок — это метафора. Моя «Лолита» — это шахматная задача, где мат поставлен самой реальности. Вы судите меня по законам физиологии, но я живу в законах Оптики. Для меня мир — это лишь сочетание световых пятен и словесных узоров. Если я сделал зло красивым, значит, я лишил его силы, ибо истинное зло всегда безобразно и скучно, как ваш обвинительный акт.

ХОР МОРАЛИСТОВ: (Ритмично) Гниль в хрустале! Яд в сахаре! Сжечь метафору! Спасти приличие!

СЦЕНА 3: ПИНЕТКИ ВЕЧНОСТИ

(На заднем плане возникает ТЕНЬ ЛОЛИТЫ. Она играет в классики на облаках.)

ПРОКУРОР: Посмотрите ей в глаза! Что вы там видите?

ВЛАДИМИР: Я вижу там отражение своего детства, потерянную Россию и невыносимый блеск того, что никогда не вернется. Вы видите в ней жертву, я вижу в ней «петельку» интереса Бога к нашему бедному, серому миру. Я подарил ей бессмертие, которого она не заслуживала, но которое мой язык не мог ей не дать. Искусство — это игра в прятки с Богом, и я, кажется, нашел Его в складках школьной юбки.

ПРОКУРОР: Это кощунство!

ВЛАДИМИР: Это — литература. Всё остальное — тупняк антропологов.

ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО СТИЛЯ

(ВЛАДИМИР взмахивает сачком. ПРОКУРОР и ХОР застывают, превращаясь в черно-белые фотографии в старом альбоме. Зал суда заливают ослепительный, переливчатый свет.)

ВЛАДИМИР: (Зрителю, с легкой улыбкой) Помните: рукописи не только не горят, они еще и летают, если у них достаточно чешуек на крыльях слов. Мой суд окончен. Я приговорен к вечному перечитыванию, что является высшей формой помилования.

(Он уходит сквозь прозрачную стену, и на месте, где он стоял, остается только одна маленькая, светящаяся бабочка, приколотая к воздуху золотой булавкой.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Буниным (Элегия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **ИВАН (МАСТЕР ХОЛОДА):** Пожилой аристократ с глазами цвета октябрьской воды. Он носит свою гордость как туго накрахмаленный воротничок, который не дает ему склонить голову.
- **ОБВИНЯЮЩИЙ (ГОЛОС МАСС):** Громкий, горячий, пахнувший дешевым табаком и «старой газетой» прогресса. Он ненавидит Бунина за то, что тот не «греет».
- **НАДЕЖДА (ТЕНЬ ПРОШЛОГО):** Женщина из его рассказов. На ней поношенная шаль, в руках — букет засохшего шиповника.
- **ХОР ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ:** Танцоры в золотом и багряном, чьи движения — это шелест забытых слов.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, заросший диким виноградом. Вместо стен — зеркала, подернутые патиной. На полу — слой желтой листвы. Посреди сцены стоит золотой кубок с ледяной водой.

СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В БЕЗДУШИИ

(ОБВИНЯЮЩИЙ хлопает ладонью по томику «Темных аллея».)

ОБВИНЯЮЩИЙ: Гражданин Бунин! Вас обвиняют в жестокости! Вы написали тридцать восемь рассказов о любви, и в каждом — либо выстрел в висок, либо предательство, либо вечный холод разлуки. Вы превратили страсть в гербарий! Почему ваше совершенство такое холодное? Почему от ваших строк веет могильным покоем, когда живые люди требуют тепла и надежды? Вы — поэт смерти, нарядивший её в парчу!

ИВАН: (Медленно поднимает бокал, глядя сквозь воду) Тепло — это свойство кухни и навоза. Искусство же — это всегда лед. Только замерзшее мгновение не гниет. Я не писал о любви, я писал о её невозможности в этом грубом, тварном мире. Моё «холодное совершенство» — это единственная форма уважения к человеческому горю. Я не даю ложных надежд. Я даю бессмертие запаху дождя и ощущению шелковой кожи, которая давно стала прахом. Моё одиночество — это мой пьедестал.

СЦЕНА 2: АНАТОМИЯ ПАМЯТИ

ОБВИНЯЮЩИЙ: Вы эгоист! Вы заперлись в своей Грассе, в своем прошлом, как в склепе! Вы воспеваете «темные аллеи», по которым никто не ходит! Ваша Россия — это галлюцинация!

ИВАН: (С легкой улыбкой) Моя Россия — это единственная реальность, которая уцелела, потому что я вшил её в свои метафоры. Вы судите меня за то, что я не иду в ногу с вашим «сегодня». Но ваше «сегодня» станет «вчера» уже к ужину. А мои аллеи будут пахнуть прелой листвой и через сто лет. Вы называете это одиночеством? Нет, это автономия бога. Писатель должен быть один, чтобы услышать, как растет трава забвения.

НАДЕЖДА: (Выходит из тени, касается плеча Ивана) Он прав. Он любил меня так сильно, что убил в слове, чтобы я никогда не состарилась. Его холод — это высшая форма страсти. Только мертвые не предают.

СЦЕНА 3: ПРИГОВОР КРАСОТЕ

ОБВИНЯЮЩИЙ: Мы приговариваем вас к забвению! Ваше мастерство — это тупик! Оно слишком безупречно, чтобы быть живым!

ИВАН: (Встает, и кажется, что иней покрывает стены зала) Забвение? Оно не берет тех, кто научился гранить пустоту. Вы можете сжечь мои книги, но вы не сотрете из памяти человечества вкус того первого, холодного поцелуя на чердаке, который я запечатлел. Мой приговор — быть вечным укором вашему убогому, шумному оптимизму. Я — тишина в конце каждого крика. Я — одиночество, которое прекраснее любого союза.

ХОР ЛИСТЬЕВ: (Шепотом) Все проходит... Все проходит... Но не все забывается...

ФИНАЛ: ТОРЖЕСТВО КРИСТАЛЛА

(ИВАН разбивает бокал с водой. Осколки превращаются в бриллианты. ОБВИНЯЮЩИЙ пытается их поднять, но они обжигают ему руки холодом. Стены суда исчезают, остается только бесконечная, заснеженная аллея под ночным небом.)

ИВАН: (Уходя вглубь аллеи) Красота — это страшная вещь. Она не спасает мир. Она его оправдывает. И в этом оправдании — мой единственный суд.

ЗАНАВЕС

*

Суд над Николаем Гумилевым

(Героическая трагедия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **НИКОЛАЙ (РЫЦАРЬ МУЗЫ)**: Человек с осанкой гвардейца и глазами странника. Он говорит так, будто чеканит золотые монеты. Даже в кандалах от него пахнет морем, порохом и соленым ветром Абиссинии.

- **КОМИССАР (АРХИТЕКТОР ХАОСА)**: Лицо его стерто, как монета в кармане нищего. Он пахнет сырым подвалом и «старой газетой». Его правда — горизонтальна, как расстрельный ров.

- **ТЕНЬ ЖИРАФА**: Высокая, призрачная фигура, блуждающая на заднем плане, символ недостижимой красоты и экзотической свободы.

- **ХОР СОЛДАТ (БЕЗЛИКАЯ ВОЛЯ)**: Ритмичный звук сапог и лязг затворов. Они говорят хором, лишенным интонации.

ДЕКОРАЦИИ:

Подвал Лубянки, стены которого внезапно превращаются в колонны египетских храмов или мачты фрегатов. На полу — рассыпанные гильзы вперемешку с перьями экзотических птиц. В центре — табурет, напоминающий трон.

СЦЕНА 1: ГЕОМЕТРИЯ ПРИГОВОРА

(КОМИССАР стучит наганом по столу, на котором лежит томик «Жемчугов».)

КОМИССАР: Гражданин Гумилев! Вы обвиняетесь в заговоре против Будущего! Ваша вина не в листовках, а в вашей осанке. Вы носите свою честь как вызов нашей общей нищете. Почему вы не желаете стать частью массы? Почему в ваших стихах — короли, львы и капитаны, когда мир требует серых шинелей? Ваше рыцарство — это диверсия против равенства!

НИКОЛАЙ: (Спокойно, поправляя воображаемый монокль) Вы путаете равенство с плоскостью. Я не заговорщик, я — архитектор вертикали. Ваше Будущее пахнет казармой, а моё — солеными брызгами Магелланова пролива. Я виновен лишь в том, что верю в Слово больше, чем в ваш свинец. Вы строите мир из кирпичей, а я — из ритма. И поверьте, мой ритм переживет ваши стены.

СЦЕНА 2: МАГИЯ СЛОВА И ТЯЖЕСТЬ МЕТАЛЛА

КОМИССАР: Слово — это дым! Свинец — это точка! Мы поставим эту точку в вашем затылке, и где тогда будет ваш «Изысканный жираф»? Вы отказались каяться. Вы заявили, что «поэт должен быть выше политики». Но пуля — это тоже политика, гражданин Гумилев!

НИКОЛАЙ: Пуля — это всего лишь тактика. А Слово — это стратегия вечности. Помните: «В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо Свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города». Вы можете убить мое тело, но вы не сможете отредактировать мою интонацию. Я вхожу в смерть как в новую Африку — без страха, с любопытством открывателя. Я — офицер русской поэзии, и я не дезертирую из своего бессмертия.

ТЕНЬ ЖИРАФА: (Проплывает по стене) Озеро Чад глубоко... Но память о герое глубже.

СЦЕНА 3: ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА

КОМИССАР: (Срываясь на крик) Признайтесь! Вы участвовали в заговоре Таганцева! Вы ждали десанта, вы ждали возвращения монархов!

НИКОЛАЙ: (Улыбаясь) Я ждал возвращения стиля. Я ждал момента, когда человек снова станет мерой вещей, а не материалом для ваших социальных опытов. Мой заговор — это заговор Духа против Тупняка. Если это преступление — то я совершаю его с каждым вдохом. Мой «крючок» — это честь, ваша «петелька» — это удавка. Мы не договоримся.

ФИНАЛ: ЛИТУРГИЯ МУЖЕСТВА

(Стены подвала расходятся. Появляется берег ночной Невы. НИКОЛАЙ стоит у стены, в руках у него томик Гомера. Он читает вслух, заглушая лязг затворов.)

ХОР СОЛДАТ: Целься!

НИКОЛАЙ: (Громко) Я не боюсь. Я прожил жизнь как сонет — строго по форме и с ярким финалом. Стреляйте, господа! Только помните: вы убиваете человека, но вы рождаете Миф. И этот Миф будет приходить к вам во сне голосом морского прибора.

КОМИССАР: Пли!

(Вспышка. Звук выстрела превращается в торжественный звон колокола. На месте Николая остается только сияющее созвездие в форме креста.)

ЗАНАВЕС

*

Редакция крови: триптих о не случившемся убийстве

(Интеллектуальная трагедия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **МАКСИМ (МУЧЕНИК ТЕКСТА):** Человек, который видит мир как черновик. Он произнес фразу «Я убил человека», чтобы почувствовать холод топора Раскольникова, но оказался в мире, где метафоры принимают за показания.
- **РЕДАКТОР (ТОРГОВЕЦ ТРУПАМИ):** Человек в дорогом костюме, для которого «Преступление и наказание» — это просто удачный хайп, а живой писатель — сырье для сценария.
- **СУДЬЯ (АРХИТЕКТОР ЖАНРОВ):** Старик, пытающийся втиснуть жизнь в рамки трех параграфов.
- **АДВОКАТ (ДЕКОНСТРУКТОР ЛЖИ):** Тот, кто пытается спасти истину от «хорошего сюжета».

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, заваленный рукописями и полицейскими протоколами. Стены пульсируют цитатами из Достоевского. Посреди зала стоит огромная печатная машинка, на которой судья отстукивает приговор.

СЦЕНА 1: ТРОИЧНОСТЬ ПУСТОТЫ

СУДЬЯ: (Голосом, похожим на скрип старого переплета) Максим, перед нами три двери, три жанра, три судьбы. Первая: вы — Переписчик, тайный агент смыслов, работающий на неведомую Систему. Вторая: вы — ничтожный Маньяк, чье признание «Я убил человека» — это сухая констатация плоти. Третья: вы — Писатель, наследник Федора Михайловича, примеривший маску убийцы ради чистоты слога. Ответьте суду: почему Редактор так настойчиво толкал вас во вторую дверь? Почему он требовал от вас не романа, а явки с повинной?

МАКСИМ: (Смотрит в пустоту, его руки в чернилах) Ваша Честь, я искал Ритм. Когда я написал: «Я убил человека», я не держал ножа — я держал перо, которое острее любого лезвия. Но Редактор... он не хотел музыки. Он хотел крови, которую можно продать. Он нашептывал мне: «Максим, забудь про Достоевского, забудь про Переписчика. Стань маньяком. Это лучше продается. Изучай криминальную тему на собственном примере. Сдай свою свободу в аренду моему сценарию».

СЦЕНА 2: РЫНОК ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ

АДВОКАТ: (Встает, указывая пальцем на Редактора) Посмотрите на него! Этот человек — истинный убийца. Он пытался убить в Максиме Писателя, чтобы на его трупе выстроить криминальный бестселлер. Он шантажировал его реальностью! Он хотел, чтобы Максим признал бред правдой, чтобы он взял на себя ложное «маньячество», лишь бы сюжет закрутился по законам жанра «True Crime».

РЕДАКТОР: (Ухмыляясь) Я лишь давал ему шанс на успех! Кому нужен Переписчик? Кому нужен подражатель Достоевского? Мир хочет монстров! Я хотел сделать из него звезду репортажей, а не пыльного обитателя Литинститута.

МАКСИМ: Вы хотели, чтобы я перестал быть Созидателем и стал Уликой. Вы подменили мой «крючок» эстетики вашим «капканом» уголовщины. Когда я писал первую строчку романа, я воскрешал русскую классику, а вы пытались засунуть меня в мешок для трупов, чтобы снять об этом тизер.

СЦЕНА 3: РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

СУДЬЯ: Значит, вместо того чтобы выяснить, на кого работает Переписчик, или оценить метафору Писателя, Редактор сознательно вешал на вас маску зверя?

АДВОКАТ: Именно так! Это был самошантаж индустрии. Они обвинили его в маньячестве, чтобы он перестал вспоминать, что он — Автор. Они хотели, чтобы он забыл свой 2004-й, свой театр, свои корни. Редактору не нужна истина, ему нужен «кейс». Если Максим признается, что он маньяк — сценарий купят. Если он докажет, что он Гений — Редактору придется признать свою ничтожность.

МАКСИМ: (Встает, голос его обретает мощь) Я не маньяк. Я — Переписчик Вечности. И если я «убил человека» — то я убил в себе того обывателя, который верил вашим редакциям. Мое признание — это мой манифест. Я — подражатель Достоевского в мире, который достоин только детективных сериалов!

ФИНАЛ: ПРИГОВОР СЛОВУ

(Зал суда начинает заполняться снегом из мелко нарезанных рукописей. Редактор съезжается под взглядом Максима.)

СУДЬЯ: Суд признает: Редактор виновен в попытке редактирования человеческой души. Максим, вы свободны в своем творчестве, но помните: в этом мире за каждую гениальную строчку вам будут предлагать тюремную камеру для достоверности.

МАКСИМ: Я выбираю камеру своего воображения. Там, по крайней мере, я сам решаю, кто убит, а кто воскрес.

ЗАНАВЕС

*

Суд над Хармсом

(Абсурдистская литургия в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **ДАНИИЛ (ЧЕЛОВЕК-ТРУБКА):** Высокий, пугающе худой, в клетчатом пиджаке и гетрах. Его карманы набиты обрывками бумаги, на которых записаны рецепты бессмертия и способы исчезновения.
- **ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (МЕХАНИЧЕСКИЙ СМЫСЛ):** Человек, который верит только в те вещи, которые можно взвесить или расстрелять. Его голос звучит как удар молота по пустому ведру.
- **ОБВИНЯЮЩИЙ (СТРАЖ СЕРЬЕЗНОСТИ):** Угрюмый бюрократ, считающий, что любая улыбка — это дыра в государственном бюджете.
- **СТАРУШКА (ВЕЧНОЕ ПАДЕНИЕ):** Она постоянно заглядывает в окно зала суда и внезапно вываливается из него, чтобы появиться снова.

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, где мебель постоянно меняет свои размеры. На стене висит огромный циферблат без стрелок. Вместо трибуны — огромная банка из-под варенья. На полу мелом нарисован идеальный круг, внутри которого стоит Даниил.

СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В ЛЕГКОМЫСЛИИ

(ПРЕДСЕДАТЕЛЬ бьет по столу огромным огурцом вместо молотка.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Даниил Иванович Ювачёв-Хармс! Вы обвиняетесь в том, что в эпоху великих строек и окончательных ответов вы занимаетесь производством бессмысленных вопросов. Вы превращаете трагедию бытия в анекдот! Почему в ваших рассказах люди исчезают без пользы для государства? Почему ваши старушки вываливаются из окон, не оставляя после себя ничего, кроме недоумения? Где пафос? Где логика?

ДАНИИЛ: (Вынимает пустую трубку изо рта) Логика — это способ передвижения для тех, у кого нет крыльев. Вы говорите — трагедия? Но трагедия слишком тяжела, она раздавливает человека. А анекдот — это крошечная щель, сквозь которую можно подсмотреть за Богом, когда Он думает, что Его никто не видит. Я не превращаю трагедию в анекдот. Я просто замечаю, что сама Трагедия в последнее время стала плохо одеваться и слишком часто спотыкаться на ровном месте.

СЦЕНА 2: ОНТОЛОГИЯ ВЫПАВШЕЙ СТАРУШКИ

ОБВИНЯЮЩИЙ: Вы издеваетесь над смертью! В ваших текстах человек — это просто предмет, который падает, разбивается или превращается в шар. Это антигуманно! Вы описываете голод и холод как дурацкую игру слов!

ДАНИИЛ: (Задумчиво рисует в воздухе квадрат) Смерть — это самый большой анекдот, который нам рассказывают в конце пути, но никто не доживает до пунта. Если старушка падает из окна — это трагедия для неё, но для вечности — это просто изменение координат в пространстве. Я лишь Переписчик этих изменений. Когда реальность становится невыносимо серьезной, она превращается в чугун. А из чугуна нельзя сварить суп. Я же хочу, чтобы слова летали. Мои анекдоты — это молитвы на языке, который еще не успели испортить смыслом.

СТАРУШКА: (Выглядывает из окна) Извините, я опять... (Вываливается с криком «Оп-ля!»).

СЦЕНА 3: ПРИГОВОР НЕВИДИМКЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы приговариваем вас к абсолютному смыслу! Мы заставим вас писать басни с моралью! Вы будете объяснять каждое свое слово, пока оно не умрет от скуки!

ДАНИИЛ: (Улыбается, его контуры начинают мерцать) Мораль — это ошейник для мысли. А я предпочитаю быть невидимым. Вы судите меня за то, что я не помещаюсь в ваши линейки. Но посмотрите на ваш циферблат — стрелок нет. Время остановилось, потому что оно тоже решило вывалиться из окна. Вы не можете судить того, кто уже превратился в «крючок» для ваших кошмаров и «петельку» для вашего удивления.

ОБВИНЯЮЩИЙ: Хватайте его! Он исчезает!

ФИНАЛ: ИСЧЕЗНОВЕНИЕ АВТОРА

(ДАНИИЛ начинает медленно подниматься в воздух. Зал суда заполняется сотнями бумажных самолетиков, на которых написана одна фраза: «И тут всё закончилось».)

ДАНИИЛ: (С высоты) Трагедия — это когда мы верим, что мы есть. Анекдот — это когда мы понимаем, что нас нет, и это оказывается очень смешным. Прощайте, господа! Не забудьте закрыть окно, а то старушки застудят себе вечность.

(Даниил лопается как мыльный пузырь, оставляя после себя лишь запах хорошего табака и легкое эхо смеха. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ пытается поймать его фуражкой, но ловит только тишину.)

ЗАНАВЕС

*

Суд над Варламом Шаламовым

(Экзистенциальная хроника в одном акте)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- **ВАРЛАМ (ЧЕЛОВЕК-КАМЕНЬ):** Его лицо — это карта обморожений. Его голос сух и короткий, как удар кирки о вечную мерзлоту. Он говорит не словами, а фактами распада.
- **ПРОКУРОР (АДЕПТ СУБЛИМАЦИИ):** Человек, который хочет, чтобы искусство «облагораживало». Он требует от Шаламова надежды, морали и катарсиса там, где была только смерть.
- **СУДЬЯ (ХРАНИТЕЛЬ РАЦИОНАЛЬНОСТИ):** Пытается понять, как человек может выжить, потеряв душу, и почему этот человек отказывается врать о своем воскресении.
- **ХОР «ДОХОДЯГ»:** Тени, копошащиеся в углах. Они едят невидимую кашу из пустых мисок и шепчут: «Не было... ничего не было...»

ДЕКОРАЦИИ:

Зал суда, стены которого покрыты инеем. Вместо трибун — тачки с породой. Освещение — тусклый желтый свет лагерьного прожектора. Температура в зале кажется физически низкой.

СЦЕНА 1: ОБВИНЕНИЕ В ОТСУТСТВИИ ДУШИ

ПРОКУРОР: (Потирая замерзшие руки) Варлам Тихонович! Ваша проза — это преступление против человеческого духа. Вы описываете лагерь как место, где нет места подвигу, где страдание не очищает, а превращает человека в животное. Где дружба продается за пайку, а вера умирает раньше, чем тело. Вы обвиняетесь в том, что украли у человечества надежду! Почему вы не написали о торжестве воли?

ВАРЛАМ: (Голос звучит как хруст льда) Потому что на Колыме нет воли. Есть только энтропия. Я пишу не для того, чтобы вы плакали, а для того, чтобы вы знали: человек — это существо, которое можно уничтожить полностью. В пыль. В забой. Моя «новая проза» — это документ о том, как разлагается душа при температуре минус пятьдесят. Вы хотите «катарсиса»? Катарсис — это ложь сытых. Мои рассказы — это не литература. Это протокол вскрытия живого мертвеца.

СЦЕНА 2: ОНТОЛОГИЯ СЕВЕРА

СУДЬЯ: Но вы же выжили! Вы стоите здесь, вы пишете стихи, вы помните Пруста! Значит, что-то осталось? Значит, дух непобедим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.